

Эдвард Морган
Форстер

Путешествие в Индию

[роман]

XX век – The Best

Эдвард Форстер
Путешествие в Индию

«АСТ»

1979

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Форстер Э. М.

Путешествие в Индию / Э. М. Форстер — «АСТ», 1979 — (XX век – The Best)

ISBN 978-5-17-089677-6

Один из самых значительных английских романов XX века, экранизация которого собрала целый букет престижных премий. Роман, который произвел своим появлением эффект разорвавшейся бомбы. Молодая англичанка вместе с группой туристов осматривает местную достопримечательность – Марабарские пещеры, а после экскурсии неожиданно обвиняет в домогательствах одного из своих спутников – молодого, интеллигентного, блестяще образованного врача-индийца. Банальная на первый взгляд история мгновенно сводит на нет те отчаянные усилия, которые делают благожелательно настроенные представители английского и индийского общества для взаимного сближения. Два мира сталкиваются насмерть в этом блестящем, горьком и безысходном романе: мир европейских колонизаторов и индийской интеллигенции. Два мира, заведомо обреченные на взаимное недоверие и фатальное непонимание, которые рано или поздно должны завершиться трагедией. «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и не встретиться им никогда», – сказал когда-то Киплинг. И Форстер решительно подтверждает эту беспощадную истину.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089677-6

© Форстер Э. М., 1979

© АСТ, 1979

Содержание

Предисловие автора к изданию 1957 года	7
Часть первая	8
I	8
II	10
III	19
IV	26
V	28
VI	37
VII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдвард Морган Форстер

Путешествие в Индию

Роман

Edward Morgan Forster

A passage to India

© The Provost and Scholars of King's College, Cambridge, 1924, 1979

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящая «Путешествие в Индию» Сайеду Россу Масуду и
семнадцати годам нашей дружбы*

Предисловие автора к изданию 1957 года

Той Индии, какую я описал в книге, уже нет – нет ни в политическом, ни в социальном смысле. Перемены начинались уже в момент выхода в свет первого издания в 1924 году, а в последующую четверть века они значительно ускорились. Началась и закончилась Вторая мировая война (предсказанная Азизом в финальной сцене); рухнула система Британского правления; субконтинент был разделен на Индию и Пакистан, и оба государства стали заметными игроками на мировой арене; были упразднены самостоятельные княжества, дискриминация женщин и касты. Начала развиваться местная промышленность. Все эти изменения происходили на протяжении сороковых годов, и вместе с ними усиливалось влияние на обе страны со стороны США и СССР, о которых в романе нет ни единого слова.

Конечно, роман в определенной мере устарел, но я и не ставил себе целью описание политического устройства Индии, и меня не особенно интересовала и социология.

Отмечу также, что я существенно пересмотрел и сократил список произведений, представленный в предыдущих изданиях, а также переработал «Примечания автора». Возможно, кому-то будет также интересно знать, что в «Холме Деви» (автобиографическом эссе, опубликованном в 1953 году) содержится материал, использованный в заключительной части романа.

Часть первая МЕЧЕТЬ

I

Если не считать Марабарских пещер – а они находятся в добрых двадцати милях отсюда, – город Чандрапур ничем не отличается от сотен других заурядных населенных пунктов Индии. Город этот полосой около двух миль в длину протянулся вдоль скорее огибающего, нежели омывающего его Ганга, воду которого можно лишь с большим трудом отличить от грязи и ила, каковые он оставляет на берегу. Здесь вы не увидите ступенек, ведущих в купальню, поскольку Ганг в этом месте еще не почитается святым. Здесь нет даже набережной, и оживленный базар закрывает от взгляда широкую и изменчивую панораму мощного потока. Улицы убоги, храмы запустели, и хотя в городе есть несколько приличных домов, они либо скрыты за пышной садовой растительностью, либо прячутся в переулках, отпугивающих своей грязью и отбросами всех, за исключением приглашенных гостей. Чандрапур никогда не был ни большим, ни красивым, но двести лет назад он находился на дороге, соединявшей Верхнюю Индию – тогда еще имперскую – и берег моря. Все приличные и красивые дома относятся именно к тому периоду. Тяга к украшательству иссякла в восемнадцатом веке; впрочем, она никогда не отличалась демократичностью. На базаре вы не увидите картин; резьбой по дереву торгуют очень мало. Кажется, что и само дерево здесь сделано из грязи, по которой передвигаются обыватели, вылепленные из того же материала. Все, на что падает взгляд, так принижено, так монотонно, что кажется, будто Ганг смыл с почвы все маломальски заметные выступы, бугорки и возвышенности. Дома время от времени падают, люди тонут и разлагаются, но общие очертания города остаются неизменными – съжившись в одном месте, он вспухает в другом, словно особая, низкая, но неуничтожимая форма жизни.

Дальше от берега местность неожиданно меняется. Здесь находится овальный майдан и длинное желтоватое здание больницы. Дома, принадлежащие потомкам от смешанных браков, стоят на возвышении неподалеку от железнодорожного вокзала. За железной дорогой, бегущей вдоль реки, местность понижается, а затем снова круто поднимается вверх. На этом подъеме располагаются административный центр и гражданский поселок. Отсюда Чандрапур кажется совсем другим. Здесь это город садов. Собственно, даже не город, а лес, по которому там и сям разбросаны дома. Садовый тропический парадиз, омываемый благородной рекой. Сочные пальмы, индийские мели, манго и священные фикусы, скрытые при взгляде от реки базаром, здесь сами закрывают базар. Растительность буйно выпирает из садов, питаясь водой из древних резервуаров, взрывает душистые пригороды и окружает заброшенные храмы. В поисках света и воздуха растения, наделенные большей силой, нежели человек и его творения, парят над низкой гнилью, приветствуя друг друга ветвями и маняще трепещущими листьями, построив заодно целый город для птиц. После дождей они закрывают то, что расположено внизу, непроницаемой пеленой, но и в остальное время, обожженные солнцем и без листвы, украшают город англичан, построенный ими на возвышенности, чтобы вновь прибывшие не видели убожества, каковое им описывали, и, лишь спустившись вниз, пережили бы крушение иллюзий. Что же касается гражданского поселка, то он не возбуждает никаких эмоций. Он не чарует, но и не отталкивает. Спланирован он разумно и обоснованно: на переднем плане горделиво стоит Клуб – здание из красного кирпича, за ним – продуктовый магазин и кладбище; дома с верандами обрамляют улицы, пересекающиеся под прямыми углами. В нем

нет ничего отвратительного, но красив только открывающийся отсюда вид. Поселок не имеет ничего общего с городом, лежащим внизу, кроме бездонного синего неба.

Впрочем, небо здесь тоже меняется, хотя и не так отчетливо, как растительность или река. Иногда вид неба оживляют облака, но обычно это лишь призрачные купола различных оттенков на фоне главного цвета – синего. Днем, касаясь белой земли, голубизна у горизонта становится белесой. После захода солнца оком окрашивается в оранжевый цвет, переходящий выше в нежнейший пурпурный тон. Но синева все равно остается, она неизбежна и видна даже ночью. На огромном, необъятном своде неба повисают, словно фонари, яркие звезды. Расстояние между ними и Землей ничтожно в сравнении с бездной, простирающейся за ними; и это пространство, в принципе лишенное цвета, в последнюю очередь расстается с синевой.

Небо здесь определяет все – не только климат и времена года, но и срок, когда земля становится прекрасной. Сама по себе земля мало на что способна – разве что выбросить из-под поверхности жалкую поросль цветов. Но когда угодно небу, благодать проливается даже на базары Чандрапура, а порой это благословение разливается от горизонта до горизонта. Небо способно на это, ибо оно сильно и огромно. Небо черпает свою силу у солнца, ежедневно напитываясь его мощью и рассыпая ее над поверженной внизу землей. Покатость земли не нарушается здесь ни горами, ни их отрогами. Лига за лигой расстилается абсолютно плоская равнина – лишь иногда она приподнимается, а потом снова бессильно опускается и становится плоской. И только на юге, где из-под земли вздымаются сжатые кулаки и растопыренные пальцы, эта бесконечная равнина прерывается. Эти кулаки и пальцы называют здесь Марабарскими холмами, в недрах которых прячутся необычные пещеры.

II

Соскочив с велосипеда, упавшего на землю, прежде чем его успел подхватить подбежавший слуга, молодой человек взбежал на веранду. Он был весел и оживлен.

– Хамидулла, Хамидулла, я не опоздал? – воскликнул он.

– Можешь не извиняться, – откликнулся хозяин. – Ты всегда опаздываешь.

– Будь так любезен, ответь все же на мой вопрос. Я не опоздал? Махмуд Али уже все съел? Если да, то я отправлюсь куда-нибудь еще. Господин Махмуд Али, как вы себя чувствуете?

– Спасибо, доктор Азиз. Я умираю.

– Умираете, не дождавшись обеда? Бедный, бедный Махмуд Али!

– Между прочим, Хамидулла уже умер. Он испустил дух в тот момент, когда ты подъехал к дому на своем велосипеде.

– Да, да, он прав, – подтвердил хозяин. – Представь себе, мы оба приветствуем тебя из иного, счастливого мира.

– Есть ли в этом лучшем из миров такая восхитительная вещь, как кальян?

– Азиз, перестань болтать, мы с Махмудом ведем очень печальный разговор.

По привычке хозяина дома кальян был набит слишком туго, и пузырьки в колбе образовывались довольно лениво. Азиз слегка ослабил уплотнитель. Разогретый табачный дым наконец вырвался на волю, заполнил легкие и ноздри Азиза, смывая прочь застрявший там запах горящего навоза, которым Азиз надышался, проезжая по базару. Вкус смеси был просто восхитительным. Азиз с удовольствием откинулся на подушки, погрузившись в транс, но не теряя головы. Разговор двух друзей не показался ему слишком печальным – они обсуждали вопрос о том, можно или нельзя дружить с англичанином. Махмуд Али утверждал, что нельзя, Хамидулла возражал, но с такими оговорками, что никаких трений между ними не возникало. На самом деле как это прекрасно: полулежать на диване на просторной веранде, созерцать восход луны, слышать, как в доме возятся готовящие обед слуги, и ни о чем не волноваться, забыв обо всех невзгодах и неприятностях.

– Вспомни, что произошло со мной сегодня утром.

– Я лишь утверждаю, что в Англии это возможно, – ответил Хамидулла, который был в Англии очень давно, еще до больших волнений, и его сердечно приняли в Кембридже.

– Но это невозможно здесь. Азиз! Сегодня в суде меня снова оскорбил тот сопливый мальчишка. Я его не виню. Ему сказали, что он должен меня оскорбить. Первое время он вел себя абсолютно нормально, был очень милым мальчиком, а потом попал под влияние остальных.

– Да, у них здесь нет выбора, такова моя точка зрения. Они искренне хотят быть джентльменами, но им сразу говорят, что из этого не выйдет ничего хорошего. Посмотри на Лесли, посмотри на Блэкистона. Теперь вот этот мальчишка. Филдинг будет следующим. Знаешь, я хорошо помню, каким сначала был Тертон. Друзья, вы мне не поверите, но было время, когда Тертон возил меня в своем экипаже! Да-да, когда-то мы были близкими друзьями. Он даже показал мне свою коллекцию марок.

– А теперь он подумает, что ты ее украдешь. Тертон! Вот увидите: этот сопляк будет во сто крат хуже Тертона!

– Я так не думаю. Они все становятся здесь одинаковыми – не хуже и не лучше. Каждому англичанину я даю два года – будь то Тертон или Бертон. Вся разница в одной букве. Каждой англичанке я даю и того меньше – полгода. Все они одинаковы. Вы со мной не согласны?

– Я не согласен, – ответил Махмуд Али, рассмеявшись невеселым смехом и ощущая боль и удовольствие от каждого произнесенного здесь слова. – Что касается меня, то я нахожу массу различий между нашими господами. Сопляк мямлит, Тертон все говорит прямо в лицо,

миссис Тертон берет взятки. Миссис Сопляк взяток не берет, потому что ее пока не существует в природе.

– Взятки?

– Ты что, не знал, что когда они давали деньги на строительство канала через Центральную Индию, некий раджа подарил ей швейную машинку из чистого золота, чтобы вода потекла через его княжество?

– И она потекла?

– Нет, в этих делах миссис Тертон – великая мастерица. Когда мы, нищие черномазые, берем взятку, мы ее честно отрабатываем, но при этом нарушаем закон. Англичане же берут, но ничего не делают. Я восхищаюсь ими.

– Мы все ими восхищаемся. Азиз, передай мне, пожалуйста, кальян.

– Нет-нет, еще немного удовольствия, он так хорошо раскурился.

– Ты очень эгоистичный мальчик. – Он резко повысил голос и потребовал подавать обед. Слуги в ответ прокричали, что обед готов. Они имели в виду, что изо всех сил стараются, чтобы он был готов. Все их поняли, и никто не сдвинулся с места. Потом Хамидулла снова заговорил – совершенно иным тоном и с иными чувствами:

– Возьмем мой случай, случай с молодым Хью Баннистером. Он – сын моих самых лучших, самых добрых друзей – покойных преподобного Баннистера и миссис Баннистер. Их доброту ко мне во время моего пребывания в Англии я не забуду до конца дней. Они заменили мне отца и мать, я говорил с ними так же, как сейчас с вами. Во время каникул их дом становился моим домом. Они доверяли мне всех своих детей. Я часто гулял с маленьким Хью. Я водил его на похороны королевы Виктории и на руках поднимал его над толпой.

– Королева Виктория была совсем другой, – пробормотал Махмуд Али.

– Недавно я узнал, что Хью теперь торгует кожей в Канпуре. Вы не представляете, как мне хочется его увидеть, пригласить его сюда за мой счет, чтобы он знал, что этот дом – его дом. Но это бессмысленно. Англоиндийцы давно переделали его на свой лад. Он, наверное, подумает, что мне что-то от него нужно, а я не вынесу такого отношения от сына моих старых друзей. Что происходит с этой страной, спрашиваю я вас, вакиль-сагиб?¹

Азиз присоединился к разговору:

– Зачем говорить об англичанах? Бр-р-р!.. Почему с ними надо либо дружить, либо не дружить? Давайте просто плюнем на них и возразимся жизни. Королева Виктория и миссис Баннистер были редким исключением, но обеих уже нет на свете.

– Нет, нет, я не могу с этим согласиться. Я встречал и других.

– Я тоже, – неожиданно отклонившись от своей темы, сказал Махмуд Али. – Дамы не похожи одна на другую. – Настроение собеседников изменилось, и они принялись вспоминать маленькие любезности и одолжения.

– Она очень искренне говорила «спасибо», а когда я кашлял, наглотавшись пыли, предложила свою микстуру.

Хамидулла мог вспомнить и более весомые примеры помощи со стороны англичанок, но его собеседник, знакомый только с англоиндийцами, был вынужден для этого изо всех сил скрести по сусекам памяти и в конце концов сказал:

– Но конечно, все это исключения, а они не являются правилом. Большая часть женщин похожа на миссис Тертон, а ты, Азиз, знаешь, кто она такая.

Азиз этого не знал, но сказал, что знает. У него были и свои разочарования – представителю подчиненной расы было бы трудно их избежать. Допуская исключения, он соглашался с

---

¹ Господин адвокат. Сагиб – форма обращения к европейцу в колониальной Индии, употребляемая так же, как титул, добавляемый к должности.

тем, что английские женщины высокомерны и корыстолюбивы. Разговор лишился своей живости, став скучным и нескончаемым.

Вошел слуга и объявил, что обед готов, но никто не обратил на него внимания. Пожилые мужчины сели на своего вечного конька – заговорили о политике. Азиз выскользнул в сад. Сладко благоухали деревья – вечнозеленая чампака – и в голове Азиза зазвучали персидские стихи. Обед, обед, обед... Азиз вернулся в дом и обнаружил, что теперь отлучился Махмуд Али – ему срочно потребовалось о чем-то поговорить с конюхом.

– Пойдем, поговорим пока с моей женой, – предложил Хамидулла, и они битых двадцать минут провели за занавеской женской половины. Бегума² Хамидуллы приходилась дальней теткой Азизу и была его единственной родственницей в Чандрапуре, и теперь она, пользуясь случаем, принялась рассказывать об обрезании, которое в семье праздновали с неподобающей помпой. Отделаться от бегумы было трудно, так как жена могла пообедать только после мужчин, и она затягивала разговор, чтобы не показаться нетерпеливой. Покончив с обрезанием, она перешла к делам родственным и тотчас поинтересовалась, не собирается ли Азиз жениться.

Скрывая раздражение, он почтительно ответил:

– Достаточно с меня и одного раза.

– Да, – поспешил к нему на помощь Хамидулла, – не надо его дразнить, он с лихвой исполнил свой долг и содержит семью – двух мальчиков и их сестру.

– Тетя, им хорошо живется с матерью моей жены, в доме которой она умерла. Я вижу с детьми, когда хочу. Они еще очень малы.

– Он отсылает им все свое жалованье, а сам живет, как бедный клерк, и никому не рассказывает почему. Что же еще можно от него требовать?

Но сбить бегуму с избранного пути было невозможно. Сменив для вида тему разговора, она, произнеся несколько вежливых фраз, снова вернулась к ней.

– Что же станет с нашими дочерьми, если мужчины отказываются жениться? – сказала она. – Им придется выходить замуж за мужчин ниже своего круга или...

И тут бегума принялась в сотый, наверное, раз рассказывать старую-престарую историю о даме царской крови, не нашедшей мужа в том узком кругу, в каком она вращалась, и так и оставшейся незамужней. Сейчас ей тридцать лет, и она никогда уже не выйдет замуж, потому что теперь уже никто не захочет на ней жениться. Бегума рассказывала свою сказку, а мужчины все больше проникались убеждением, что эта трагедия ложится несмываемым пятном на все светское общество – лучше уж полигамия, чем лишение женщины положенных ей от бога радостей – замужества, материнства, власти в доме и много чего другого; и с каким лицом предстанет в свой смертный час перед своим и ее творцом мужчина, отказавший во всем этом женщине?

Уходя, Азиз, как всегда в таких случаях, произнес:

– Возможно, я женюсь... Но не сейчас.

– Не следует откладывать вещи, которые считаешь правильными, – назидательно произнес Хамидулла. – Индия потому и оказалась в таком плачевном положении, что мы вечно все откладываем на завтра.

Заметив, что его молодой родственник помрачнел, он поспешил добавить несколько успокаивающих слов, чтобы сгладить впечатление, произведенное рассказом жены.

Пока они отсутствовали, Махмуд Али успел вернуться и снова уехать, оставив записку, что вернется через пять минут, но Хамидулла и Азиз и не подумали его ждать. За мясо они уселись с дальним родственником хозяина дома Мохаммедом Латифом, жившим в доме щедротами Хамидуллы – не как слуга, но и не как равный. Он никогда не заговаривал первым, если к нему не обращались, а так как к нему никто не обращался, он хранил молчание, несколько

---

² Жена высокопоставленного или состоятельного мусульманина.

этим не оскорбляясь. Время от времени он смачно отрыгивал, воздавая должное богатому угощению. В общем, это был тихий, счастливый и бесчестный старик; за всю свою жизнь он никогда и нигде не работал. До тех пор пока оставался хоть один родственник, имевший дом, Мохаммеду были гарантированы кров и стол, а учитывая, что семья была большая, то разом вся она просто не могла обанкротиться. Жена Мохаммеда вела точно такую же жизнь, но в нескольких сотнях миль от Чандрапура, и муж никогда к ней не ездил, оправдываясь дороговизной железнодорожных билетов. Азиз отпустил несколько колких замечаний в его адрес, при этом заодно досталось и слугам, а потом начал декламировать стихи – на персидском, урду и немного на арабском. У Азиза была хорошая память, и он много читал, что было необычно для такого молодого человека; излюбленными его темами были упадок ислама и скоротечность любви. Сотрапезники слушали его с восторгом, ибо для них поэзия была делом общественным, а не частным, как для англичан. Хамидулла и Мохаммед не уставали слушать слова, прекрасные слова; они вдыхали их, как живительную прохладу вечернего воздуха, не переставая анализировать услышанное; имена поэтов – Хафиз Ширази, Гали, Икбал – были гарантией этого восторга. Индия, вернее, сотня Индий шептали им что-то под равнодушной луной, но сейчас им казалось, что Индия – одна и принадлежит только им и что они приобщаются к былому величию, слушая его торжественную погребальную песнь; они ощущали себя молодыми, ибо их души снова, как в юности, воспарили ввысь. Декламацию Азиза прервал слуга в красной ливрее; это был чупрасси³ уполномоченного врача, вручивший Азизу записку.

– Старик Каллендар хочет видеть меня у себя в доме, – сказал Азиз, не двинувшись с места. – Мог бы проявить вежливость и сообщить причину.

– Осмелюсь предположить, что это какой-то срочный случай.

– Я бы осмелился предположить, что нет. Просто он узнал, что мы хотим пообедать, вот и все. Он решил оторвать меня от обеда, чтобы показать, кто в доме хозяин.

– С одной стороны, он всегда так делает, но, с другой, это и в самом деле может быть какой-то серьезный случай. Никогда нельзя знать заранее, – сказал Хамидулла, явно призывая к покорности. – Ты не хочешь почистить зубы после бетеля?

– Если мне надо еще и чистить зубы, то я вовсе не поеду к нему. Я индиец, и это индийский обычай – жевать бетель. Уполномоченному врачу придется с этим смириться. Мохаммед Латиф, будьте любезны, подайте мне велосипед.

Бедный родственник поднялся. Латиф обозначил подчинение, держась рукой за седло; но все-таки велосипед Азизу подкатил, держась за руль, слуга. Катя велосипед, они не заметили, как переехали острую заклепку. Азиз помыл руки под струей из кувшина, высушил их полотенцем, надел свою зеленую фетровую шляпу и стремительно выкатился со двора Хамидуллы.

– Азиз, Азиз, сорвиголова...

Но молодой человек был уже далеко, неистово крутя педали и приближаясь к базару. На его велосипеде не было ни фары, ни звонка; мало того, у него не было и тормозов. Но какой смысл во всех этих приспособлениях в стране, где велосипедист редко встречает на дороге людей, а если и встречает, то они сами уворачиваются от него? Город же в этот час был совершенно пуст, словно вымер. Когда проколота шина окончательно спустила, Азиз соскочил с велосипеда и попытался найти двуколку.

Это ему удалось не сразу. Первым делом он закатил велосипед одному из своих друзей. Еще какое-то время потратил на то, чтобы очистить зубы от бетеля. Но после он все же въехал на улицы общественного центра на дребезжащей пролетке. Это дребезжание внушало чувство скорости. Оказавшись в царстве скучной чистоты, Азиз вдруг ощутил страшную подавленность. Улицы, названные именами победоносных генералов, прямые пересечения дорог, были символом сети, накинута британцами на Индию, и он чувствовал себя опутанным ячейками

³ Посыльный, носильщик, слуга для поручений.

этой сети. Въехав во двор дома майора Каллендара, Азиз лишь усилием воли заставил себя не сойти с двуколки, чтобы подойти к крыльцу пешком. Это происходило не из низкой угодливости, а из-за того, что всей своей чувствительной душой Азиз боялся унижения. В прошлом году был один случай – знатный индеец подъехал к дому английского чиновника в экипаже, но слуги не пустили его, сказав, что он должен подойти к дому более подобающим образом. Это был лишь один из тысяч таких визитов к сотням чиновников, просто именно он стал известен. Азиз пошел на компромисс, остановив кучера на границе света, падавшего с ярко освещенной веранды.

Уполномоченного врача дома не было.

– Но разве сагиб не оставил мне записки?

Слуга ответил равнодушным «нет». Азиз пришел в отчаяние. Это был тот самый слуга, которому он когда-то забыл дать на чай. Исправлять положение поздно, потому что в холле были люди. Азиз был убежден, что Каллендар оставил ему записку, просто слуга из мести не хочет ее ему передать. Пока они спорили, люди из дома вышли. Это были две дамы. Азиз приподнял шляпу. Шедшая впереди женщина в вечернем платье посмотрела на индийца и инстинктивно отвернулась в сторону.

– Миссис Лесли, смотрите, экипаж! – воскликнула она.

– Наш? – спросила вторая, покосилась на Азиза и сделала то же, что и первая леди.

– Надо смиренно принимать дары провидения, – визгливым голосом отозвалась первая, и обе вскочили в двуколку.

– Тонгавалла⁴, в Клуб, в Клуб! Почему этот дурак не трогает?

– Поезжай, я расплачусь с тобой завтра, – сказал Азиз вознице и вежливо добавил, когда двуколка тронулась: – Прошу вас, леди.

Они ничего ему не ответили и продолжали заниматься своими делами.

Все как обычно, сказал бы по этому поводу Махмуд Али. Неизбежное высокомерие и плевков в лицо – они проигнорировали его поклон, забрали его экипаж. Могло быть и хуже. Единственное, что его утешало, – это то, что мадам Каллендар и Лесли были так толсты, что едва не опрокинули легкий экипаж. Будь на их месте красивые женщины, Азиз ощутил бы более болезненный укол. Он обернулся к слуге, дал ему пару рупий и снова спросил о записке. Слуга, сразу ставший вежливым, дал тем не менее прежний ответ. Майор Каллендар уехал полчаса назад.

– И ничего не сказал?

Он сказал «чертов Азиз» – по крайней мере это были единственные слова, которые разобрал слуга, но он был слишком вежлив, чтобы повторить их доктору Азизу. На чай можно дать либо слишком мало, либо слишком много – до сих пор не отчеканена такая монета, за которую можно купить правду.

– Тогда я напишу ему записку.

Азизу предложили войти в дом, но он был слишком горд, чтобы воспользоваться этим предложением. Ему принесли бумагу и чернила на веранду. Азиз принялся писать: «Дорогой сэр, получив ваше распоряжение, я поспешил явиться, как надлежит подчиненному...», но затем остановился.

– Скажи ему, что я приходил, этого будет достаточно, – сказал он, разрывая на части свой протест. – Вот моя визитная карточка. Вызови мне экипаж.

– Господин, все экипажи сейчас в Клубе.

– Тогда позвони и скажи, чтобы его прислали на станцию.

Видя, что слуга поспешно бросился исполнять распоряжение, Азиз воскликнул:

– Ладно, ладно, не стоит, я, пожалуй, пройдусь пешком.

---

⁴ Кучер.

Он взял у слуги спички и закурил сигарету. Услужливость этого человека, пусть даже купленная за деньги, успокоила его. Ему будут оказывать знаки внимания до тех пор, пока у него есть рупии, а это уже кое-что. Но прах отношения англичан надо отряхнуть с ног любой ценой! Надо бежать отсюда, оказаться в привычной обстановке, избавиться от пут английских сетей! Он отправился домой пешком, и с непривычки это было тяжело.

Азиз был небольшого роста, но спортивен и при его изящном сложении очень силен. Тем не менее ходьба утомляла его, как утомляет она любого в Индии, кроме вновь прибывших. В индийской почве есть что-то глубоко враждебное человеку. Она либо податлива, и нога утопает в ней по шиколотку, либо очень тверда, и тогда камни и кристаллы больно давят на подошву. Постоянное чередование этих неприятностей сильно утомляет. Азиз был обут в легкие туфли, а это не самая подходящая обувь для сельской местности. Он решил передохнуть и завернул в мечеть.

Эта мечеть всегда ему нравилась. Она была гостеприимной и успокаивала самым видом своего убранства. Во внутреннем дворе – куда входили через полуразрушенные ворота – стоял чан для омовений с чистой проточной водой: чан был подключен к трубам снабжавшего город водопровода. Двор был вымощен растрескавшимися плитами. Внутренняя крытая часть мечети была глубже, чем обычно, – здание было похоже на английскую приходскую церковь с убранной передней стеной. С того места, куда уселся Азиз, виднелись три концентрические арки, темнота за которыми лишь подчеркивалась светом висевшей в проеме лампы – и луной. Фасад при свете полной луны казался мраморным, а вдоль фриза отчетливо выделялись нанесенные черным девяното девять имен бога, сам же фриз казался ослепительно белым на фоне черного неба. Этот контраст между белым цветом и затемненным содержимым тени очень нравился Азизу, и он всегда старался найти в нем символику истины или любви. Мечеть была мила и дорога Азизу, а потому будила его воображение. Храм иной веры – индуистской, католической или восточно-христианской – навевал бы на него скуку и не казался прекрасным. Здесь же перед ним был ислам, его родина, его предел – нечто большее, чем просто вера, большее, чем боевой клич, – большее, много большее... Ислам – это отношение к жизни, исключительное и надежное, только в нем находят свой родной дом его мысли и его тело.

Он сидел на низкой оgrade, протянувшейся вдоль левой стороны двора. Площадка его полого спускалась вниз, к городу, едва виднеясь между деревьями, в мертвой тишине раздавались негромкие звуки. Справа, на холме, в Клубе, англичане слушали любительский оркестр. Где-то били в свои барабаны индусы – Азиз точно знал, что это были индусы, потому что ритм барабанной дроби был чужд его уху. Где-то громко оплакивали покойника, и Азиз знал, какого именно, – он сам выписал днем свидетельство о смерти. Ухали филины, откуда-то прозвучал рожок пенджабской почты. Восхитительно пахли цветы во дворе дома начальника станции. Но единственное, что имело сейчас значение для Азиза, – это мечеть, и он снова обратил на нее свое внимание, забыв об отвлекающих звуках и ароматах ночи. Он наделял мечеть смыслом, какой едва ли вкладывал ее строитель в свое детище. Когда-нибудь он тоже построит мечеть – она будет меньше этой, но обустроит ее с тонким вкусом. Всякий, кто войдет в нее, испытает такое же чувство счастья, какое испытывал сейчас Азиз. Близ мечети, под маленьким куполом, расположится его могила, украшенная персидским стихом:

Здесь без меня грядущие века,
Весенним цветом розы расцветут;
Но те, кто тайну сердца моего
Постиг, взамен мою могилу посетит⁵.

⁵ Перевод В. Платонича.

Он видел это четверостишие на могиле одного деканского царя и считал, что оно исполнено глубокого философского смысла – он всегда считал, что пафос не может не обладать глубиной. «Втайне постичь боль и радость сердца!» Азиз мысленно повторил эту фразу, и на глаза его навернулись слезы, и в этот момент ему почудилось, что одна из колонн мечети едва заметно колыхнулась. Колонна качнулась и отделилась от стены. В крови Азиза пробудилась вековая вера в привидения, но он не пошевелился. Потом качнулась другая колонна, затем третья, и во дворе показалась англичанка, вышедшая на освещенную луной площадку. Азиз вдруг ощутил неистовый гнев.

– Мадам! – закричал он. – Мадам, мадам!

– О боже! – испуганно воскликнула женщина.

– Мадам, это мечеть, и вы вообще не имеете права здесь находиться. Вы должны снять обувь, входя сюда, – это священное место для мусульман.

– Я сняла обувь.

– В самом деле?

– Да, я оставила ее у входа.

– В таком случае прошу прощения.

Женщина, еще не оправившаяся от испуга, опасливо вышла во двор и остановилась. От Азиза ее отделял чан для омовений. Азиз окликнул женщину:

– Я искренне прошу у вас прощения за грубые слова.

– Но я же все сделала правильно, верно? Если я сняла обувь, то мне можно было войти в мечеть?

– Конечно, но женщины почему-то всегда забывают это сделать, особенно если думают, что их никто не видит.

– Какая разница? Бог все видит.

– Мадам!

– Прошу вас, позвольте мне уйти.

– Может быть, я могу оказать вам какую-нибудь услугу – сейчас или в любое другое время?

– Нет, благодарю вас, на самом деле, нет. Доброй ночи.

– Могу ли я узнать ваше имя?

Женщина стояла в тени ворот, и Азиз не мог видеть ее лица. Напротив, женщина прекрасно его видела.

– Миссис Мур, – ответила она изменившимся тоном.

– Миссис... – подойдя ближе, Азиз увидел, что женщина была стара. Мнимый образ, вознесшийся над мечетью, рассыпался в куски, и Азиз сам не понял, обрадовало это его или опечалило. Она была старше бегумы Хамидуллы – лицо ее было румяным, а волосы совершенно седыми. Азиза обманул голос.

– Миссис Мур, наверное, я напугал вас. Я расскажу о вас моим друзьям, о том, как вы сказали, что бог все видит, – это очень верно и изящно. Вы, наверное, приехали сюда совсем недавно.

– Да, а как вы догадались?

– По тому, как вы ко мне обратились. Не позволите ли вызвать вам экипаж?

– Я только что пришла из Клуба. Там идет пьеса, которую я видела в Лондоне. К тому же в Клубе страшная духота.

– Как называется пьеса?

– «Кузина Кейт».

– Мне кажется, вам не стоит ходить ночью одной, миссис Мур. Здесь попадаются нехорошие люди, и к тому же может встретиться леопард с Марабарских холмов. Я уже не говорю о змеях.

При упоминании о змеях женщина издала тихий вскрик; она совсем забыла о них.

– Есть еще пятнистые жужулицы, – продолжал между тем Азиз. – Вы ее ловите, она вас кусает, и вы умираете.

– Но вы же ходите по ночам один?

– Ну, я привык.

– Привыкли к змеям?

Оба рассмеялись.

– Я врач, – сказал Азиз, – змеи не осмеливаются меня жалить.

Они уселись рядом у входа и обули свои вечерние туфли.

– Я могу узнать, почему вы приехали в Индию именно сейчас, когда заканчивается прохладный сезон?

– Я хотела приехать раньше, но меня задержали неотложные дела.

– Здесь скоро будет очень жарко. На вашем здоровье это плохо скажется! Да и что, собственно, привело вас в Чандрапур?

– Я приехала в гости к сыну. Он здешний судья.

– Нет, это невозможно, просто невозможно. Нашего городского судью зовут мистер Хислоп, я очень хорошо его знаю.

– Тем не менее это мой сын, – сказала женщина, улыбаясь его горячности.

– Но, миссис Мур, как такое может быть?

– Я была замужем дважды.

– Да, да, теперь я понял. Ваш первый муж умер.

– Да, умер, как, впрочем, и второй.

– Значит, мы с вами товарищи по несчастью, – загадочно произнес Азиз. – Значит, городской судья – это ваш единственный родственник?

– Нет, у меня есть еще младшие дети в Англии – Ральф и Стелла.

– Значит, здешний джентльмен – сводный брат Ральфа и Стеллы?

– Совершенно верно.

– Все это очень странно, миссис Мур, потому что у меня тоже, как и у вас, два сына и дочь. Как мы похожи в наших несчастьях.

– Как зовут ваших детей? Не думаю, что их зовут Ронни, Ральф и Стелла.

Это предположение очаровало Азиза.

– Нет, конечно же, нет. Это звучало бы очень странно. Их зовут совсем по-другому, и вы удивитесь их именам. Прошу вас, послушайте. Я сейчас скажу вам, как их зовут. Первого сына зовут Ахмед, второго – Карим, а дочь, которая старше их, – Джамиля. Троих детей вполне достаточно, вы согласны со мной?

– Да.

Они немного помолчали, думая каждый о своей семье. Женщина вздохнула и поднялась.

– Может быть, вы когда-нибудь утром заглянете в госпиталь Минто? – поинтересовался Азиз. – Больше в Чандрапуре я ничего не могу вам предложить.

– Спасибо, я уже была там, но мне было бы приятно побывать там вместе с вами.

– Наверное, вас принял уполномоченный врач.

– Да, и миссис Каллендар.

– А, – произнес Азиз изменившимся голосом, – она очаровательная леди.

– Возможно, но, наверное, вы знаете ее лучше, чем я.

– Что вы говорите? Она вам не понравилась?

– Она из всех сил старалась быть любезной, но я не назвала бы ее очаровательной.

Азиза прорвало.

– Она только что отобрала у меня экипаж – разве такое поведение можно назвать очаровательным? А майор Каллендар почти каждый вечер отрывает меня от ужина с друзьями, и я сразу приезжаю по его вызову, покидая приятнейшую компанию, но его каждый раз не оказывается на месте, и он даже не оставляет мне записки. Это очаровательно, прошу вас, скажите? Я ничего не могу с этим поделать, и он прекрасно это знает. Я его подчиненный, мое время ничего не стоит, индеец может потоптаться на веранде – это самое подходящее для него место. Пусть постоит, подождет. А миссис Каллендар забирает у меня экипаж и при этом обходится со мной...

Женщина слушала его излияния.

Перечисление свалившихся на него несчастий взволновало Азиза, но еще больше взволновали его симпатия и сочувствие, какие он чувствовал в этой женщине. Именно это волнение заставляло его горячиться, повторять одно и то же, преувеличивать и противоречить самому себе. Она выказала свое сочувствие тем, что нелестно отозвалась о своей соотечественнице, но он и до этого сразу ощутил ее отношение. В его душе вспыхнул огонь, зажечь который дано не только красоте, и, несмотря на то, что прежние его слова были пропитаны недовольством, сердце его растаяло и заставляло говорить иначе.

– Вы понимаете меня, вы понимаете, что я чувствую. О, если бы и другие были похожи на вас!

Немало удивившись, она ответила:

– Не думаю, что я хорошо понимаю людей. Я только знаю, нравится мне человек или нет.

– Значит, вы восточный человек.

Миссис Мур позволила Азизу проводить себя до Клуба и, остановившись у ворот, пожалела, что не является его членом, – иначе она пригласила бы туда Азиза.

– Индийцам запрещен вход в Чандрапурский Клуб даже в качестве гостей, – просто ответил он и не стал много распространяться об этой несправедливости. Зачем? Сейчас он был на седьмом небе от счастья. Шагая вниз под серебристой луной, завидев милую его сердцу мечеть, он вдруг ощутил, что эта земля принадлежит ему так же, как и всем другим. Что с того, что до него здесь жили мягкотелые индусы, а после пришли равнодушные англичане?

III

К тому времени, когда миссис Мур вернулась в Клуб, на сцене шел уже третий акт «Кузины Кейт». Окна были закрыты ставнями, чтобы слуги не видели, как их мемсагиб⁶ играют на сцене, и жара в зале была просто невыносимой. Один электрический вентилятор словно раненая птица судорожно вращал лопастями-крыльями; второй вентилятор не работал. Не желая возвращаться в зал, миссис Мур прошла в бильярдную, где сразу услышала возглас: «Я хочу увидеть *настоящую* Индию», и поняла, что снова окунулась в ставшую привычной местную жизнь. Увидеть настоящую Индию хотела Адела Квестед, немного странная, осторожная девушка, которую Ронни поручил матери привезти из Англии; Ронни, ее сын, тоже был осторожен, и мисс Квестед – не вполне, правда, определенно – хотела выйти за него замуж; миссис Мур выступала здесь в роли пожилой дамы.

– Я тоже хочу ее увидеть, но не знаю, получится ли у нас это сделать. По всей видимости, Тертоны организуют что-то интересное в следующий вторник.

– Все это кончится катанием на слоне. Этим всегда заканчиваются такие мероприятия. Стоит лишь посмотреть на сегодняшний вечер. «Кузина Кейт»! Нет, вы только вообразите – «Кузина Кейт»! Но где вы были? Вам удалось поймать луну в Ганге?

Накануне вечером дамам случилось увидеть отражение луны в одном из каналов. Темная вода приукрасила диск, и отражение казалось больше и ярче настоящей луны. Зрелище было завораживающим и очень понравилось им обоим.

– Я ходила в мечеть, но луну не поймала.

– Должно быть, изменился угол. Сегодня она взошла позже.

– Да, она всходит все позже и позже, – зевнув, произнесла миссис Мур. Долгая ходьба утомила ее. – Пойдите, дайте мне подумать. Ведь мы и отсюда не видим обратную сторону Луны... Нет, не видим.

– Ладно вам, Индия не так плоха, как кажется, – произнес вдруг приятный голос. – Это, если угодно, обратная сторона Земли, но и здесь такая же старая добрая луна. – Говоривший не был знаком ни с одной из леди – они ни разу его не видели, не представившись, он прошел мимо и исчез в темноте за кирпичными колоннами.

– Мы не видим даже обратную сторону нашей планеты; вот в чем наша беда, – сказала Адела.

Миссис Мур была с ней согласна. Она тоже была разочарована скукой их новой жизни. Они совершили романтическое путешествие по Средиземному морю, пересекли пески Египта и доплыли до Бомбея только ради того, чтобы обнаружить расставленные прямоугольной решеткой одноэтажные дома с верандами. Правда, миссис Мур не воспринимала свое разочарование с той же серьезностью, что мисс Квестед. Миссис Мур была на сорок лет старше и уже давно поняла, что жизнь никогда не дает нам желаемое в тот момент, когда мы хотим его получить. Да, приключения порой случаются, но их появление не отличается пунктуальностью железнодорожного расписания. Она снова повторила, что в следующий вторник они, как она надеется, увидят что-то интересное.

– Выпейте прохладительного, – произнес еще один приятный голос. – Миссис Мур, мисс Квестед, прошу вас.

С этим человеком – окружным коллектором⁷ мистером Тертоном – они были знакомы и уже успели вместе с ним пообедать. Как и дамы, он находил атмосферу в зале, где шла «Кузина

---

⁶ Госпожи.

⁷ Изначально британский сборщик налогов в округах колониальной Индии. В описываемое в книге время так назывался глава британской администрации округа (дистрикта).

Кейт», слишком жаркой. Ронни, сообщил им Тертон, вместо майора Каллендара исполнял обязанности помощника режиссера. Каллендара подвел какой-то подчиненный ему туземец, и майору пришлось уехать. Впрочем, Ронни прекрасно справлялся с этими обязанностями. Здесь Тертон обратился к другим достоинствам Ронни и спокойным, но решительным тоном сказал о нем много лестного. Не то чтобы молодой человек отличался в играх, хорошо знал местную тарабарщину или отлично разбирался в законодательстве, но – и это было решающее «но» – отличался настоящим чувством собственного достоинства.

Миссис Мур была несколько удивлена, узнав об этом, ибо собственное достоинство – не главная черта, за которую матери ценят своих сыновей. А мисс Квестед даже встревожилась, ибо она еще не решила, нравятся ли ей мужчины, обладающие чувством собственного достоинства. Она попыталась обсудить это с мистером Тертоном, но он остановил ее добродушно-пренебрежительным жестом и продолжил свою речь.

– Короче говоря, Хислоп – настоящий сагиб; это человек того склада, который нам нужен, он – один из нас.

Еще один чиновник, облокотившийся на бильярдный стол, поддержал Тертона, призывая внимательно слушать дам. Вопрос был, таким образом, исчерпан, и коллектор отправился по своим делам.

Тем временем представление закончилось, и любительский оркестр заиграл британский гимн. Разговоры стихли, бильярдная партия прекратилась, лица напряглись. Это был гимн оккупационной армии. Он напомнил всем членам Клуба, что они британцы в изгнании. Гимн будил в них сентиментальные чувства и наполнял решимостью. Скупая мелодия, серия просьб к Иегове, дополненная молитвой, не известной в Англии, – хотя они здесь не боялись ни бога, ни короля, они страшились того, чему им ежедневно приходилось противостоять. После они высыпали из зала и принялись наперебой предлагать друг другу прохладительное.

– Адела, мама – фужер?

Обе отказались – они были уже по горло сыты напитками, а мисс Квестед, у которой на языке всегда было то же, что на уме, снова заявила, что хочет увидеть настоящую Индию.

Ронни пребывал в приподнятом настроении. Желание показалось ему комичным, и он окликнул проходившего мимо человека:

– Филдинг, скажите нам, как можно увидеть настоящую Индию?

– Надо пообщаться с индийцами, – ответил человек и исчез.

– Кто это?

– Ректор государственного колледжа.

– Можно подумать, что этого можно избежать, – вздохнув, произнесла миссис Лесли.

– Я избежала, – пожаловалась мисс Квестед, – если не считать служанки. С самого приезда я еще не разговаривала ни с одним индийцем.

– Да вам просто повезло.

– Но я хочу их увидеть.

Мисс Квестед тотчас оказалась в центре внимания нескольких развеселившихся дам.

– Она хочет видеть индийцев! Очень свежая идея!

– Туземцы! Но это же забавно, – возразила другая.

Третья дама проявила несколько большую серьезность:

– Позвольте, я объясню. Туземцы не станут больше уважать вас после встречи, понимаете?

– Значит, это произойдет после многих встреч.

Однако третью даму – глуповатую и дружелюбно настроенную – было невозможно сбить с избранного пути.

– Я хотела сказать вот что: до замужества я была медицинской сестрой, и мне часто приходилось сталкиваться с туземцами, поэтому я знаю, о чем говорю. Я знаю правду об индий-

цах. Я работала в самом неподходящем для англичанки месте – в туземном княжестве. Там у меня был только один выход – смотреть на них равнодушно и свысока.

– Даже на пациентов?

– Самый добрый поступок в отношении туземца – это дать ему умереть, – сказала миссис Каллендар.

– И что будет, если он попадет на небо? – спросила миссис Мур с мягкой, но несколько натянутой улыбкой.

– Он может попасть куда ему угодно, лишь бы я его не видела. Когда они оказываются рядом, у меня по спине бегут мурашки.

– Я подумала о том, что вы сказали про небеса. Знаете, именно поэтому я против миссионеров, – сказала леди, бывшая раньше медицинской сестрой. – Я очень уважаю священников, но я против миссионеров. Я объясню почему.

Однако в этот момент в разговор вмешался коллектор:

– Вы что, действительно ожидаете встретить здесь наших арийских братьев, мисс Квестед? Это очень легко устроить. Я не думал, что это доставит вам удовольствие. – Он на мгновение задумался. – Вы можете познакомиться с любыми туземцами на ваш выбор. Я знаю правительственных чиновников и землевладельцев. Хислоп может представить нам своих адвокатов, если же вас интересуют педагоги, то мы обратимся к Филдингу.

– Мне надоело смотреть на эти живописные картонные фигуры, – капризно произнесла девушка. – Когда мы приехали, это было чудесно, но эта поверхностная мишура меня уже утомила.

Впечатления мисс Квестед абсолютно не интересовали коллектора; он был озабочен лишь тем, чтобы она хорошо проводила время. Не хочет ли она принять участие в вечере бриджа? Он сразу же оговорился – название традиционное, но играть на нем в бридж совершенно необязательно. Тертон сам придумал это выражение и немало удивлял тех, кому предлагал это времяпрепровождение.

– Но я хочу познакомиться только с теми индийцами, с которыми общаетесь вы, общаетесь как с друзьями.

– Мы не общаемся с ними как с друзьями, – смеясь, сказал он. – Они, конечно, полны всяческих добродетелей, но мы с ними не общаемся. Сейчас половина двенадцатого, слишком поздно, чтобы входить в подробные объяснения.

– Мисс Квестед – ну и имечко! – сказала миссис Тертон мужу, когда они ехали домой. Юная леди ей не понравилась, показавшись неучливой и капризной. Она не хотела верить, что эту особу привезли из Англии, чтобы женить на ней милого маленького мистера Хислопа, хотя было похоже на то. В глубине души муж был с ней согласен, но он никогда не отзывался дурно об англичанках, если можно было этого избежать, и сказал только, что мисс Квестед, конечно, делает ошибки, а потом добавил:

– Индия задает свои загадки, особенно в жаркий сезон; она задает их даже Филдингу.

При упоминании этого имени миссис Тертон закрыла глаза и заметила, что мистер Филдинг – не настоящий сагиб, и лучше бы он женился на мисс Квестед, потому что и она не настоящая мемсагиб.

Они доехали до своего дома – огромного одноэтажного строения, самого старого и самого неудобного в гражданском поселке. Перед домом красовалась лужайка, похожая на мелкую суповую тарелку. Супруги выпили на ночь ячменной воды и отправились на покой. Их отъезд из Клуба нарушил ход вечера, который, как и все подобные собрания, нес на себе отпечаток некоторой официальности. Общество, преклоняющее колени перед вице-королем и искренне верящее в то, что причастную к королю божественность можно переместить в любое лицо, должно испытывать трепетное почтение к любому воплощению вице-короля. В Чандрапуре

Тертонов почитали как племенных божков; но скоро они выйдут в отставку и уедут на какую-нибудь загородную виллу, отлученные от мирской славы.

– Вот порядочность великого человека, – изрек Ронни, очень довольный приемом, оказанным его гостям. – Знаете, что он никому прежде не предлагал вечер бриджа? Кроме того, он пришел на обед! Я бы с удовольствием устроил что-нибудь сам, но когда вы узнаете туземцев ближе, вы поймете, что бурра-сагибу⁸ легче это сделать, чем мне. Они знают его, и знают, что не смогут его провести, а я здесь еще новичок по сравнению с ним. Думаю, что знать эту страну может только тот, кто прожил здесь не меньше двадцати лет. Ну, матушка, вот твой плащ. Да, кстати, об ошибках, которые здесь делают новички. Вскоре после моего приезда я предложил одному адвокату вместе покурить – всего одну сигарету, заметьте. Так после этого он разослал по базару мальчишек, и они раструбили на весь город об этом факте. Потом всем тяжущимся говорили: «Обращайся к вакилю Махмуду Али, он вхож в дом городского судьи». С тех пор я прижимаю его в суде при каждом удобном случае. Я извлек свой урок, надеюсь, что он тоже.

– Не мог ли этот урок заключаться в том, чтобы приглашать покурить всех адвокатов?

– Возможно, но время ограничено, а плоть слаба. Боюсь, я предпочитаю курить в Клубе, среди себе подобных.

– Почему вы не приглашаете адвокатов в Клуб? – не отставала мисс Квестед.

– Это не разрешается правилами, – не повышая голоса, терпеливо объяснил Ронни, поняв, очевидно, почему она его не понимает. Он хотел сказать, что когда-то был таким же, как она, хотя и недолго. Выйдя на веранду, он, глядя на луну, громко обратился в никуда. Слуга отозвался, и Ронни, не повернув головы, приказал принести свои вещи.

Миссис Мур, на которую Клуб произвел оглушающее и отупляющее впечатление, очнулась только на улице. Она подняла голову и посмотрела на луну, сияние которой подкрашивало бледной желтизной лиловую черноту неба. В Англии луна всегда казалась ей мертвой и чужой, здесь же она была закутана в одну шаль ночи вместе с землей и всеми звездами. Пожилую женщину внезапно пронзило чувство единства, родства со всеми небесными телами, как и с прохладной водой из бассейна, оставлявшей вкус необычной свежести. Миссис Мур не имела ничего против «Кузины Кейт» или британского гимна, но их нота заглохла, растворившись в новых нотах, так же как запах коктейля и сигары уступил место аромату невидимых цветов. Когда на повороте дороги блеснула длинная, без купола, мечеть, миссис Мур воскликнула:

– О, вот она. Я была там.

– Была там когда? – спросил сын.

– В антракте.

– Но, мама, ты не должна была этого делать.

– Теперь ты будешь решать, что я должна делать? – возмутилась миссис Мур.

– Нет, конечно, но в этой стране... Здесь никто этого не делает. Во-первых, тут есть змеи, по ночам они выползают из нор на дорогу.

– Ах да, мне об этом говорил и тот молодой человек.

– Звучит очень романтично, – вмешалась в разговор мисс Квестед, которая была без ума от миссис Мур и была бы рада совершить такую же маленькую эскападу. – Вы встретили в мечети молодого человека и ничего мне не сказали!

– Я хотела рассказать вам, Адела, но разговор в Клубе шел не об этом, и я забыла. Знаете, моя память начинает сдавать.

– Он был красивый?

Миссис Мур помолчала, потом с чувством ответила:

– Очень красивый.

– Кто это был? – поинтересовался Ронни.

---

⁸ Большому начальнику, господину.

– Врач. Я не знаю его имени.

– Врач? Я не знаю в Чандрапуре ни одного молодого врача. Как это странно! Ты можешь его описать?

– Он небольшого роста, с маленькими усиками и живыми глазами. Он окликнул меня, когда я выходила из темной части мечети, и спросил, сняла ли я обувь. Так начался наш разговор. Он боялся, что я вошла в мечеть в туфлях, но я, по счастью, вспомнила, что перед входом в мечеть принято разуваться. Он рассказал мне о своих детях, а потом проводил меня до Клуба.

– Хотелось бы мне на него посмотреть. Я не могу понять, кто это.

– В Клуб он не вошел, сказал, что ему это не разрешено.

После этих слов его озарило, и он воскликнул:

– О господи! Он мусульманин? Почему ты сразу не сказала мне, что говорила с туземцем? Я же ничего не понял.

– Мусульманин! Как это великолепно! – не удержавшись, воскликнула мисс Квестед. – Ронни, как это характерно для твоей мамы! Мы говорим о том, что хорошо бы увидеть настоящую Индию, и тут приходит она и просто забывает, что только что ее видела.

Ронни, однако, был сильно раздражен. Из описания матери он понял, что этот врач, вероятно, молодой простак с другого берега Ганга, который выплеснул на нее все свои братские эмоции. Какая досада! Почему она тоном не показала ему, что речь идет об индийце? Придирчиво, скрипучим голосом он принялся выпытывать подробности.

– Он окликнул тебя в мечети, да? Как он это сделал? Нахально? Что он сам делал в мечети ночью? Нет, это не время молитвы. – Последняя фраза была ответом на предположение мисс Квестед, которая слушала с живейшим интересом. – Значит, он поинтересовался насчет обуви. Это была просто наглость с его стороны. Старый как мир трюк. Жаль, что ты не была обута.

– Наверное, это и в самом деле было нахальство, но я не вижу здесь никакого трюка, – возразила миссис Мур. – Он очень рассердился, я поняла это по его голосу. Как только я с ним заговорила, он мгновенно сменил тон.

– Тебе не следовало ему отвечать.

– Но послушай, – заговорила склонная к логическим умозаключениям мисс Квестед, – разве ты не ждал бы от мусульманина ответа, если бы попросил его снять шляпу в церкви? Ответь, пожалуйста, в чем разница?

– Разница есть, есть, просто ты ее не понимаешь.

– Да, я ее не понимаю, но хочу понять.

Лучше бы она не встревала в этот разговор. Мать не играла здесь никакой роли, она всего лишь залетная птица, временный сопровождающий. Она может ехать в Англию с теми представлениями об Индии, какие ей нравятся. Но Адела, подумывающая о том, чтобы остаться здесь жить, – это проблема более серьезная; будет очень утомительно, если она начнет чудить с туземным вопросом. Он остановил лошадь.

– Вот ваш Ганг.

Внимание женщин было мгновенно отвлечено. Под их ногами внезапно возникло какое-то свечение. Оно не исходило ни от воды, ни от лунного света, оно, словно длинный светящийся сноп, просто висело в темноте. Ронни сказал женщинам, что свечение располагается там, где намывается песчаный берег, и темная полоса в пучке света – это песок. Рассказал он и о том, что из Бенареса сюда плывут мертвецы, но редко доплывают, потому что по пути их съедают крокодилы.

– Не многие мертвецы добираются до Чандрапура.

– Еще и крокодилы. Какой ужас! – пробормотала миссис Мур. Молодые люди, улыбаясь, переглянулись. Им нравилось, когда пожилая леди немного чего-то пугалась. Между ними снова были мир и согласие. А миссис Мур продолжала говорить:

– Какая ужасная река, и какая прекрасная!

Она тяжело вздохнула. Свечение изменило яркость из-за смещения либо луны, либо песка. Скоро оно вообще исчезнет, и глянцевый кружок, скользя, поплывет дальше над текущей пустотой. Женщины принялись рассуждать, ехать ли домой или подождать, пока свечение исчезнет. Однако откуда-то раздались неясные звуки, и лошадь задрожала. Посмотрев на нее, они решили не ждать, а сразу ехать в дом городского судьи. По приезде мисс Квестед пошла спать, а Ронни учинил еще один допрос матери.

Он хотел узнать все о том враче в мечети. Это его долг – собирать сведения о подозрительных личностях. Скорее всего это был какой-то хаким⁹ – шарлатан, один из многих, которые шатаются по базару. Когда же мать сказала ему, что тот человек каким-то образом связан с госпиталем Минто, Ронни сразу успокоился и сказал, что этого парня, вероятно, зовут Азизом, что он вполне порядочный человек и ему не о чем беспокоиться. Против Азиза у него ничего нет.

– Азиз! Какое очаровательное имя!

– Итак, вы разговаривали. Как, по-твоему, он хорошо настроен?

Не понимая всей важности этого вопроса для Ронни, миссис Мур тут же ответила:

– Да, вполне, я поняла это с самого начала.

– Я имею в виду, как он настроен в целом. Терпимо ли он относится к нам – к жестоким завоевателям, безнадёжным засушенным бюрократам. Ну, ты поняла.

– Думаю, что да, вполне терпимо. Если не считать Каллендаров, они ему решительно не нравятся.

– Вот как. Значит, он тебе об этом сказал, не так ли? Майору это будет очень интересно, а мне интересно, с какой целью он тебе это сказал.

– Ронни, Ронни! Ты же не собираешься передавать его слова майору Каллендару?

– Именно это я и собираюсь сделать. Более того, это мой долг.

– Но, мой дорогой мальчик...

– Если бы майор услышал, как недовольство высказывает один из моих туземных подчиненных, то он, надеюсь, немедленно сообщил бы мне об этом.

– Но, дорогой мой мальчик, это же был частный разговор!

– В Индии нет ничего частного. Азиз знал это, когда говорил, поэтому не волнуйся. У него был какой-то мотив это сказать. Лично я думаю, что это неправда.

– То есть как это неправда?

– Он заочно оскорбил майора, чтобы произвести на тебя впечатление.

– Я не могу понять, что ты имеешь в виду, мой дорогой.

– Это новейшая уловка образованных туземцев. Раньше они раболепствовали, но молодое поколение поверило в спектакль о правах и свободах, и теперь они думают, что обращение к приезжающим сюда членам парламента окупится сполна. Но не важно, ведут себя туземцы развязно или угодничают – за любыми их замечаниями всегда что-то кроется, и в любом случае он по меньшей мере хочет повисить свой издат – говоря по-англосаксонски, набрать в наших глазах очки. Конечно, бывают исключения.

– Дома ты никогда не говорил так о людях.

– В Индии мы не дома, – отрезал Хислоп. Это было грубо, но, чтобы заставить ее молчать, он, на самом деле лишенный уверенности в своей правоте, употреблял обороты, услышанные от старших чиновников. Сказав: «конечно, бывают исключения», он процитировал мистера Тертона, а фразу «получить свой издат» позаимствовал у самого Каллендара. Эти слова были в ходу среди членов Клуба, но мать безошибочно отличала собственное мнение сына от мнений, полученных из вторых рук, и могла заставить его подкрепить сказанное конкретными примерами.

---

⁹ Врач.

Но мать лишь сказала:

– Не могу отрицать: все, что ты говоришь, звучит очень убедительно, но тебе не стоит передавать мои слова о докторе Азизе майору Каллендару.

Ронни ощутил себя изменником в отношении своей касты, но пообещал молчать, добавив:

– Но, прошу тебя, не рассказывай об Азизе Аделе.

– Не рассказывать ей? Но почему?

– Мы снова возвращаемся к началу, мама. Я действительно не могу объяснить вам все сразу. Просто не хочу, чтобы Адела волновалась. Она начнет интересоваться, справедливо ли мы обращаемся с туземцами, и прочим вздором.

– Но она и приехала сюда для того, чтобы поволноваться. Именно поэтому она здесь! Мы много говорили с ней об этом на пароходе и потом, тогда, когда сошли на берег в Адене. Она знает, что ты участвуешь в игре – так она это называет, – но по-настоящему не работаешь. Она почувствовала, что должна приехать и сама во всем разобраться, прежде чем принять решение и прежде чем ты примешь решение. Она очень, очень беспристрастна.

– Я знаю, – уныло произнес он.

Тревога в его голосе заставила мать почувствовать, что Ронни, по существу, до сих пор остался маленьким ребенком, которому непременно нужно настоять на своем; поэтому она пообещала выполнить его просьбу, и они поцеловались, пожелав друг другу покойной ночи. Ронни не запретил ей думать об Азизе, и она стала думать о нем, когда ушла в свою комнату. Выслушав мнение сына, она попыталась заново осмыслить сцену в мечети, понять, чье впечатление было верным. Да, эту сцену можно было истолковать и неблагоприятно. Доктор и в самом деле сначала нагрубил ей, сказал, что миссис Каллендар очень любезна, а потом, ощутив под ногами твердую почву, резко изменил поведение; он то жаловался на свои неприятности, то вел себя снисходительно и покровительственно; в одном предложении противоречил сам себе, проявил себя ненадежным, любопытным, тщеславным. Да, все это было верно, но как конечное мнение об Азизе лживо. Оно уничтожало все живое в этом человеке.

Собравшись повесить плащ на крючок, миссис Мур обнаружила, что его облюбовала оса. Днем миссис Мур уже видела эту осу или ее родичей, они не были похожи на английских ос – у них были длинные желтые лапки, вытягивавшиеся позади брюшка во время полета. Наверное, оса перепутала крючок с веткой – ни одно индийское животное не имеет чувства замкнутого помещения. Летучие мыши, крысы, насекомые могут с такой же легкостью угнездиться как в доме, так и на улице. Для них дом – это нормальное продолжение джунглей. Спящая оса крепко вцепилась в крючок и не обращала внимания на таякканье шакалов, смешавшееся с боем барабанов.

– Крошка моя, – сказала миссис Мур, обращаясь к осе. Но она не проснулась, и голос выплыл из комнаты, добавив еще один звук к тревожным ночным шорохам.

IV

Коллектор сдержал свое слово. На следующий день он разослал приглашения многим жившим по соседству индийским джентльменам, известив их о том, что будет ждать их в следующий вторник у себя дома в саду Клуба от пяти до семи часов, присовокупив, что миссис Тертон будет рада принять и их дам, если им будет позволено покинуть женскую половину. Это приглашение вызвало сильное волнение и живо обсуждалось в нескольких домах.

– Наверняка это распоряжение вице-губернатора, – таково было объяснение Махмуда Али. – Тертон никогда не сделал бы этого по собственной воле. Эти высшие чиновники другие – они симпатизируют нам, во всяком случае, вице-король симпатизирует. Они требуют, чтобы к нам относились с уважением. Но они приезжают слишком редко. Между тем...

– Легко симпатизировать издалека, – заметил пожилой бородатый джентльмен и принялся цитировать Коран: – «Я больше ценю доброе слово, если оно сказано мне на ухо». Мистер Тертон говорил мне такие слова, не знаю, правда, по какой причине. Он говорит, мы слышим. Не вижу причин дальше это обсуждать.

– Не все из нас обладают таким добрым сердцем, как вы, Наваб Бахадур¹⁰, и не все обладают такой ученостью.

– Вице-губернатор, возможно, мой добрый друг, но я не доставляю ему никаких хлопот – «Как поживаете, Наваб Бахадур?» – «Замечательно, сэр Гилберт. А вы?» – вот и весь разговор. Но я, возможно, заноза в боку мистера Тертона, и я приму его приглашение и приеду к нему из Дилькуши, даже если для этого мне придется отложить важные дела.

– Тогда вы уроните свое достоинство, – произнес вдруг маленький смуглый человечек.

Присутствующие неодобрительно покосились в его сторону. Кто такой этот плохо воспитанный выскочка, что смеет критиковать самого богатого мусульманского землевладельца в округе? Поэтому Махмуд Али, в душе согласный с этим замечанием, счел своим долгом возразить.

– Господин Рам Чанд! – сказал он, подавшись вперед и упершись руками в колени.

– Господин Махмуд Али!

– Господин Рам Чанд, мне кажется, что Наваб Бахадур может без ваших советов решить, как ему следует поступать.

– Не думаю, что этим я уроню свое достоинство. – Наваб Бахадур произнес эти слова очень мягко; он сознавал, что Рам Чанд повел себя грубо, и решил оградить его от неприятных последствий. Первым его побуждением было ответить: «Да, я хочу уронить свое достоинство», но он подумал, что такой ответ будет не слишком вежливым. – Я не вижу здесь никакого унижения для нас, нет, не вижу. Приглашение составлено в очень изысканных выражениях.

Чувствуя, что ему не стоит и дальше сглаживать социальное неравенство между ним и его слушателями, он отправил своего элегантного внука, исполнявшего при нем роль слуги, за машиной. Когда внук подъехал, Наваб Бахадур повторил сказанное более витиевато и длинно, а на прощание сказал:

– До вторника, господа. Надеюсь увидеть вас в цветнике Клуба.

Мнение господина Бахадура было очень весомым. Он был крупным собственником и известным филантропом, человеком щедрым и решительным; во всех общинах провинции он пользовался непререкаемым авторитетом. Он мог быть откровенным врагом и преданным другом, а его гостеприимство вошло в поговорку. «Отдавайте, ничего не оставляя себе, ибо кто после смерти поблагодарит вас?» – была его любимая фраза. Он искренне считал позором умереть богатым. Если такой человек был готов проехать двадцать пять миль только ради того,

---

¹⁰ Титул индийца, кавалера ордена Британской империи II степени. В данном случае используется как имя собственное.

чтобы пожать руку коллектору, то все мероприятие представало в совершенно ином свете. Бахадур не был похож на иных выдающихся людей, которые могли пообещать, что приедут, но в последний момент отменяли визит, бросая мелких сошек на произвол судьбы. Если он сказал, что приедет, значит, он приедет, он никогда не подводил тех, кто шел за ним. Господа, которым он сейчас прочел короткую лекцию, будут теперь убеждать друг друга, что приглашение надо принять, хотя в глубине души будут сознавать, что такой совет был неуместен.

Бахадур говорил с ними в выходявшей во двор суда комнатке, где адвокаты ожидали своих клиентов. Клиенты, ожидавшие адвокатов, сидели за дверью, в пыльном дворе. Никто из них не получил приглашения мистера Тертона. Но были люди и другого круга, гораздо более низкого: те, кому было нечего надеть, кроме набедренной повязки, были также люди, у которых не было даже ее, – они живут, всю жизнь скрещивая палки перед алой куклой, – все человечество распадается на классы и течет ниже просвещенного взора, не удостоиваясь вообще никаких земных приглашений.

Вероятно, приглашения должны исходить с небес; возможно, людям не стоит самим призывать к единению. Люди делают это, но своими попытками лишь усугубляют неравенство. Так, во всяком случае, думали старый мистер Грэйсфорд и юный мистер Сорли, преданные своему призванию миссионеры, жившие за бойней. Они всегда ездили третьим классом и никогда не посещали Клуб. Во владениях нашего небесного Отца много домов, учили они, и только там найдет приют и утешение все воинство неспособных жить друг с другом детей человечества. С веранды того дома слуги не прогонят ни одного человека, будь он черный или белый, никто не останется за порогом, если придет к дому с любовью в сердце. Но почему божественное гостеприимство должно ограничиваться людьми? Посмотрим – со всем почтением – на обезьян. Разве не нужен и им свой дом? Старый Грэйсфорд решительно отвечал «нет», но более просвещенный мистер Сорли говорил «да». Он не видел причин, по которым следовало бы отказывать обезьянам в их доле благодати. Он сочувственно говорил об этом своим друзьям индусам. Но как быть с шакалами? Шакалы меньше занимали мистера Сорли, но он признавал, что господь, в безграничной милости своей, обнимет ею всех млекопитающих. Но есть ведь еще и осы. Мистер Сорли очень неуютно чувствовал себя рядом с ними и спешил перевести разговор на другую тему. Как быть, однако, с апельсинами, кактусами, камнями и грязью, не говоря уже о бактериях, населяющих внутренности мистера Сорли? Нет, нет, так можно зайти очень далеко. Надо кого-то и исключить из нашего собрания, иначе мы останемся ни с чем.

V

Вечер бриджа не удался – во всяком случае, это было совсем не то, что миссис Мур и мисс Квестед привыкли считать приятным развлечением. Они приехали рано – в конце концов, мероприятие было устроено в их честь, – но большинство индийских гостей были уже на месте. Они, столпившись, стояли у дальнего края теннисного корта и томились от безделья.

– Сейчас только пять, – сказала миссис Тертон. – Мой муж вернется со службы с минуты на минуту, и тогда все начнется. Правда, я не имею ни малейшего понятия, что мы должны делать. Никогда прежде мы не устраивали в Клубе ничего подобного. Мистер Хислоп, после того как я умру, вы будете устраивать такие вечера? Этого будет вполне достаточно, чтобы бурра-сагиб старого образца перевернулся в гробу.

Ронни подобострастно рассмеялся.

– Ты хотела чего-то более или менее скромного, и мы это устроили, – произнес он, обращаясь к мисс Квестед. – Что ты теперь думаешь об Арийском Брате в пробковом шлеме и гетрах?

Мисс Квестед и его мать в ответ промолчали. Грустным взглядом они окидывали дальний край теннисной лужайки. Да, ничего живописного они не видели; Восток, отбросив свою мирскую роскошь, погрузился в глубокую впадину, край которого терялся вдали.

– Самое главное, помните, что никто из них не имеет никакого значения. Те, кто что-то значит, сюда не приехали, не так ли, миссис Тертон?

– Абсолютно верно, – ответила величавая леди, выпрямив спину. Она «блюла себя», как она это называла, – не для сегодняшнего вечера и не для того, что могло произойти в течение недели, она блюла себя для какого-то – неясного для нее самой – случая, когда к ним придет высокопоставленный чиновник и оценит ее социальную чистоту. Именно по этой причине миссис Тертон выглядела очень сдержанной на всех публичных мероприятиях.

Приободрившись от ее поддержки, Ронни продолжал:

– От образованных индийцев не будет никакого толка, если начнется мятеж, они не смогут усмирить толпу, а значит, для нас они бесполезны. Большинство из тех, кого вы сейчас видите, в душе мятежники, но пока мирно повизгивают. Крестьяне – это совсем другая история. Пуштуны – это настоящие мужчины, если угодно. Насчет этих людей не обольщайтесь, это не Индия.

С этими словами он указал рукой на группу людей, темневшую на противоположном краю корта, где на солнце время от времени вспыхивал блик от пенсне, а мужчины неловко переступали с ноги на ногу в своих туфлях, словно понимая, насколько сильно презирает их этот англичанин. Европейские костюмы делали индийцев похожими на прокаженных. Полностью покорились немногие, но зараза коснулась всех. Ронни умолк. По обе стороны корта повисла неловкая тишина. Большинство женщин примкнули к английской группе, но их слова гасли, не успев прозвучать. Над головами парили воздушные змеи, над ними бесстрастно кружили стаи грифов, а над всем этим, превосходя все и всех равнодушием, высилось небо, прозрачное, лишенное цвета, но лившее на землю свет со всей своей поверхности. Сомнительно, однако, что небом все заканчивалось. Поверх него должно быть что-то превосходящее его величием и бесстрастностью, а дальше... Возможно ли, что дальше ничего не было?

Заговорили о «Кузине Кейт».

На сцене они попытались воспроизвести свое собственное отношение к жизни и нарядились как представители английского среднего класса, каковыми они и были в действительности. В следующем году они будут ставить «Кволитистрит» или «Йоменов королевской гвардии». Если не считать этих ежегодных постановок, литература их не интересовала. У мужчин не было на нее времени, а женщины не делали ничего, что было бы неинтересно мужчинам. Их

культурное невежество бросалось в глаза, и они сами не упускали возможности признаваться в нем друг другу, ведя себя как двоечники в средней школе. Подобное отношение к искусству проявлялось здесь более энергично, чем в Англии. Если общение с индийцами было для местных обязанностью, то разговоры об искусстве считались дурным тоном, и Ронни уклонился от ответа, когда мать поинтересовалась его скрипкой, словно игра на ней была чем-то низким и непристойным; во всяком случае, не стоило говорить об инструменте на публике. Миссис Мур заметила, что сын стал более терпимым и непритязательным в своих оценках. Когда они вместе посмотрели в Лондоне «Кузину Кейт», Ронни отозвался о пьесе довольно презрительно, теперь же он притворно хвалил ее, чтобы не задеть ничьих чувств. В местной газете появился «недобрый отзыв», «написать который не мог ни один белый человек», – сказала миссис Лесли. Надо сказать, что в газетной заметке пьесу хвалили, так же как постановку и игру актеров, но в ней была одна неудачная фраза: «Мисс Дерек превосходно смотрелась на сцене, но было видно, что ей не хватает опыта, и к тому же она иногда забывала слова». Это легкое дуновение истинной критики до глубины души оскорбило не столько саму мисс Дерек, твердую, как гвоздь, сколько ее друзей. Мисс Дерек жила не в Чандрапуре; она приехала на пару недель в гости к Макбрайдкам из полицейского управления и в последний момент любезно согласилась заменить заболевшую актрису. Видимо, она навсегда сохранила увезенное с собой хорошее впечатление от местного гостеприимства.

– За работу, Мэри, за работу, – воскликнул приехавший коллектор, легонько толкнув жену в плечо.

Миссис Тертон вяло встрепенулась.

– Что я должна, по-твоему, делать? Ох уж эти дамы с женских половин! Никогда не думала, что они пожалуют к нам. О господи!

Маленькая группка индийских леди собралась в третьем углу двора, рядом с летним деревенским домиком, в котором самые робкие из них уже успели найти себе убежище. Остальные стояли спиной ко всем остальным, лицами к декоративному кустарнику. Неподалеку теснились их ближайшие родственники-мужчины, наблюдавшие за происходящим. Впрочем, вид перед их глазами развертывался внушительный: уходящий прилив обнажал остров, и он на глазах становился все больше и больше.

– Мне кажется, что они должны подойти.

– Мэри, ты должна подойти к ним сама.

– Я отказываюсь пожимать руки этим людям, за исключением разве что Наваба Бахадура.

– Кстати, разве мы его не ждем? – Он огляделся. – Гм, гм! Ну, конечно же, вот и он. Понятно, зачем он здесь. Все дело в контракте, и он хочет, чтобы я взял его сторону в деле Мухаррама. Он, ловкач, желает найти способ уйти от налога на строительство – настоящий парс, и... Приветствую вас! Вот, он въехал в наши розы – перепутал правую и левую вожжу – все, как всегда.

– Им надо запретить въезжать во двор в экипажах, это совершенно недопустимо, – раздраженно произнесла миссис Тертон, двинувшаяся наконец к летнему домику в сопровождении миссис Мур, мисс Квестед и своего любимого терьера. – Зачем они вообще сюда явились! Им это ненавистно не меньше, чем нам. Да, да, можете поговорить с миссис Макбрайд. Муж заставлял ее устраивать такие вот вечера для женской половины до тех пор, пока она не объявила забастовку.

– Но это же не вечер для женской половины, – возразила мисс Квестед.

– Ну конечно же, нет, – саркастически и высокомерно отозвалась миссис Тертон.

– Будьте добры, скажите, кто эти леди? – спросила миссис Мур.

– Кем бы они ни были, вы выше их по положению и не забывайте об этом. По положению выше всех в Индии, за исключением одной-двух рани¹¹, но и они всего лишь равны вам.

Подойдя к группе, она за руку поздоровалась со всеми гостями и поприветствовала их на урду. Она выучила это наречие только ради того, чтобы объясняться со слугами, поэтому глаголы умела употреблять только в повелительном наклонении.

Окончив свою короткую речь, миссис Тертон обратилась к своим спутникам:

– Вы этого от меня хотели?

– Пожалуйста, скажите этим леди, что мы с удовольствием поговорили бы с ними на их языке, но мы только что приехали в их страну.

– Но может быть, мы немного поговорим на вашем, – произнесла одна из женщин.

– Представьте себе, она и в самом деле нас понимает! – удивилась миссис Тертон.

– Истборн, Пикадилли, угол Хай-Парка, – сказала другая женщина.

– О да, они говорят по-английски.

– Восхитительно, значит, мы можем говорить! – воскликнула Адела. Лицо ее вспыхнуло от радости.

– Она бывала и в Париже, – заметил один из стоявших рядом мужчин.

– Несомненно, по пути они проезжали и Париж, – сказала миссис Тертон таким тоном, словно говорила о миграции птиц. Она стала вести себя еще более отчужденно, поняв, что некоторые женщины были вестернизированы и могли судить ее по ее же меркам.

– Та леди, которая меньше ростом, – это моя жена, миссис Бхаттачарья, – продолжил мужчина, – а та, которая выше, – моя сестра, миссис Дас.

Обе женщины – приземистая и высокая – поправили сари и церемонно улыбнулись. В их движениях сквозила неуверенность, они, казалось, искали такую формулу поведения, которая не была бы ни западной, ни восточной. Когда заговорил муж миссис Бхаттачарья, она отвернулась от него, но не отвела взгляда от других мужчин. Собственно, неуверенно себя чувствовали все женщины – они жеманничали, без нужды поправляли одежду, без причины хихикали, едва заметными жестами выражали притворное отчаяние или удовольствие от всего, что было сказано, и поочередно либо восхищались терьером, либо – так же искусственно – пугались его. Мисс Квестед наконец получила то, чего так давно жаждала – перед ней стояли дружелюбные индийцы, и она изо всех сил старалась их разговорить, но тщетно – напрасно пыталась она пробить отзывавшуюся пустым эхом стену их любезности. Что бы ни говорила мисс Квестед, ее слова наталкивались на ропот неодобрения, перешедший в ропот беспокойства, когда она уронила носовой платок. Тогда мисс Квестед попыталась взять паузу и не делать ничего, в ответ индийские женщины тоже впали в молчаливое бездействие. Ничего не вышло и у миссис Мур. Миссис Тертон с видом полной отчужденности ждала окончания этого общения; она с самого начала знала, что вся эта затея обречена на провал.

Когда настало время прощаться, миссис Мур, подчиняясь какому-то внезапному импульсу, обратилась к миссис Бхаттачарья, чье лицо очень ей понравилось.

– Вы не будете возражать, если мы нанесем вам визит?

– Когда? – спросила миссис Бхаттачарья, очаровательно склонив голову.

– Когда вам будет удобно.

– Нам будет удобно в любой день.

– Например, четверг...

– Да, конечно, в четверг.

– Мы с радостью приедем к вам, это будет для нас большим удовольствием. В какое время это лучше сделать?

– В любое время.

---

¹¹ Рани – жена раджи (правителя, князя) или женщина, имеющая титул независимо от мужа (также магарани).

– Скажите нам, когда это предпочтительно для вас. Мы никогда прежде не бывали в вашей стране и не знаем ваших правил. Мы не знаем, когда вы принимаете гостей, – сказала мисс Квестед.

Оказалось, что этого не знала и миссис Бхаттачарья. Жестом она дала понять, что она поняла: что в любой из следующих четвергов к ней могут приехать английские леди, и она весь день будет ждать их дома. Ей все нравилось, и ничто не могло ее удивить.

– Сегодня мы уезжаем в Калькутту, – вдруг произнесла она.

– В самом деле? – заинтересованно спросила Адела, не сразу поняв, что следует из этой ремарки. Потом она поняла и воскликнула: – Да, но, значит, мы не застанем вас дома.

Миссис Бхаттачарья не стала спорить, но тут в разговор вмешался стоявший поодаль муж.

– Нет, нет, приезжайте к нам в четверг.

– Но вы же в это время будете в Калькутте.

– Нет-нет. – Он что-то быстро сказал жене по-бенгальски. – Мы будем ждать вас в четверг.

– В четверг... – эхом отозвалась его жена.

– Нет, вы не должны из-за нас откладывать свои дела, – энергично запротестовала миссис Мур.

– Нам не придется откладывать дела, не такие мы люди, – шутливо ответил мужчина и рассмеялся.

– Мне кажется, что это неправда. Прошу вас, не жертвуйте ради нас своими делами, меня это очень сильно расстроит.

Все снова рассмеялись, но беззлобно и весело. Последовала бурная и довольно путаная дискуссия, во время которой миссис Тертон, загадочно улыбаясь самой себе, покинула общество. Дело кончилось тем, что визит было решено назначить на утро четверга, с тем чтобы как можно меньше расстроить планы семейства Бхаттачарья. Договорились, что мистер Бхаттачарья пришлет за гостями экипаж и слуг. Знает ли он, где они живут? Конечно, знает – он знает все, смеясь, ответил он. Англичанки покидали общество, сопровождаемые улыбками и комплиментами, а три индийские дамы, не принимавшие участия в беседе и прятавшиеся в домике, выпорхнули оттуда, словно пестрые птички, и поспешили сказать свое «салам».

В это время коллектор занимался мужчинами, исполняя свою часть повинности. Он сделал несколько приятных замечаний и рассказал пару анекдотов, чем снискал бурные аплодисменты, но Тертон знал подноготную почти каждого из своих гостей и поэтому вел себя несколько отчужденно. Все они имели на совести грешки – если не мошенничество, то злоупотребление гашишем, побочные связи, а то и кое-что похуже, и даже лучшим из них было от него что-нибудь нужно. Он тем не менее был уверен, что от этого приема пользы больше, чем вреда, – в противном случае он не стал бы его устраивать, но иллюзий он не питал и поэтому в подходящий момент перешел на английскую сторону лужайки. Среди индийцев он оставил по себе самые разнообразные впечатления. Многие гости, в особенности незнатные и менее англоязычные, были ему от всего сердца благодарны. Это всегда очень ценно – быть принятым английским чиновником столь высокого ранга, и гости были готовы простить ему все – и долгое ожидание, и краткость и бессодержательность встречи – в семь часов гостям показали на дверь. Благодарность других гостей была более осмысленной. Наваб Бахадур, вполне равнодушный к себе и тому особому отношению, какое ему выказывали, был благодарен за самый факт любезного приглашения. Однако некоторые другие, такие как Махмуд Али, проявили больше цинизма; они были твердо убеждены в том, что Тертона заставило устроить прием его вышестоящее начальство и он в связи с этим все время приема едва сдерживал клокотавшую в его душе ярость, и это мнение заразило и тех из гостей, которые склонялись к более здравым суждениям. Впрочем, даже Махмуд Али был рад, что посетил это мероприятие. Святилища

чаруют, особенно если их редко открывают взгляду профанов, а Махмуду Али понравился ритуал проведения встречи, и он впоследствии часто изображал его – в довольно карикатурном виде – при встречах с друзьями.

Вторым английским чиновником, блиставшим на приеме после Тертона, был мистер Филдинг, ректор маленького государственного колледжа. С округом он был знаком мало, еще меньше с его обитателями, и поэтому был настроен не столь цинично. Атлетически сложенный красавец, живой и подвижный, он проявлял редкую общительность и делал массу ошибок, но родители его учеников покрывали его, потому что любили. Когда накрыли стол, он не стал присоединяться к английской партии, но принял вместе с индийцами обжигать рот острым, приправленным пряностями горошком. Он говорил со всеми и ел все подряд. Среди всей этой чуждой ему публики он узнал, что две дамы, только что прибывшие из Англии, имели большой успех, а их вежливо выраженное желание нанести визит миссис Бхаттачарья понравилось не только ей, но и всем индийцам, узнавшим об этом. Это желание понравилось и мистеру Филдингу. Он был едва знаком с этими леди, но тем не менее решил сказать им, какое удовольствие они ему доставили своим дружелюбием.

Он обнаружил младшую из них в одиночестве. Сквозь щель в живой изгороди из кактусов она смотрела на далекие Марабарские холмы. Во время заката казалось, что холмы эти медленно подкрадываются ближе; они бы вплотную приблизились к городу, если бы закат продолжался дольше, но заход солнца в тропиках скоротечен. Мистер Филдинг выразил свое восхищение, и мисс Квестед принялась так горячо его благодарить, что он пригласил ее и ее спутницу к себе на чай.

– Я с радостью приму ваше приглашение, как и миссис Мур, я в этом уверена.

– Я, знаете ли, живу как отшельник.

– Мне кажется, что в этих местах самое лучшее – быть отшельником.

– У меня много работы, и поэтому я редко бываю в Клубе.

– Знаю, знаю, а вот мы, наоборот, никак не можем отсюда вырваться. Я завидую вам – вы все время вращаетесь среди индийцев.

– Вы не хотели бы познакомиться с некоторыми из них?

– Да, я очень, очень хочу этого. Сегодняшний вечер так меня разозлил и расстроил, что я не могу это выразить. Мне кажется, мои соотечественники просто сошли с ума. Это же надо – пригласить гостей и не уметь их подобающим образом принять! Единственные, кто выказал элементарную вежливость, – это мистер Тертон, ну и вы, и, может быть, мистер Макбрайд. За остальных мне просто стыдно... А обстановка становится все хуже и хуже.

И это действительно было так. Англичане были исполнены лучших намерений, но играть роль гостеприимных хозяев им мешали их женщины, требовавшие чая и внимания к себе и собакам. Когда же дело дошло до тенниса, барьер стал и вовсе непроницаемым. Намерение устроить состязание между Востоком и Западом было забыто, и на лужайке играли обычные Клубные пары. Филдинг был возмущен, но ничего не сказал девушке, сочтя ее недовольство слишком абстрактным. Не хочет ли она познакомиться с индийской музыкой, поинтересовался он; в колледже есть один преподаватель, он чудесно поет.

– О, именно это мы и хотели бы услышать. Скажите, вы знаете доктора Азиза?

– Я много о нем знаю, но лично с ним не знаком. Вы хотите, чтобы я пригласил и его?

– Миссис Мур говорит, что он очень симпатичный.

– Отлично, мисс Квестед. Четверг вас устроит?

– Да, конечно. В четверг утром мы еще поедem в гости к той индийской леди. Видно, все хорошее случается по четвергам.

– Я не буду просить городского судью подвезти вас – я знаю, что днем он будет занят.

– Да, Ронни очень много работает, – ответила Адела, не отрывая взгляда от холмов. Какими красивыми они вдруг стали! Как жаль, что она не может к ним прикоснуться. Перед ее

глазами вдруг явственно встала картина ее будущей супружеской жизни. Каждый вечер они, как сегодня, будут проводить в Клубе, а потом возвращаться домой. Они будут видаться с Лесли и Каллендарами, Тертонами и Бертонами, приглашать их к себе и принимать их приглашения, а настоящая Индия, настоящая ее жизнь будет проходить мимо них. Цвета Индии останутся – пышное зрелище птиц ранним утром, смуглые тела, белые тюрбаны, идолы, выкрашенные алой и синей краской – это движение вечно и неостановимо, как гомон базара и плеск купальщиков в прудах. Она будет созерцать все это, неловко сидя на сиденье двухколесного экипажа. Но сила, которая движет всей этой пестротой, всей этой неутомимой деятельностью, останется скрытой от ее глаз, скрытой еще больше, чем теперь. Она будет видеть только фасад Индии, но не проникнет в ее дух; ей казалось, что миссис Мур удалось краешком глаза заглянуть в него.

Примерно так и прошел этот вечер. Через несколько минут они покинули Клуб в двухколесном экипаже; приехав домой, переоделись. На ужин пришли мисс Дерек и Макбрайды. Меню было традиционным: суп-жюльен с мелким консервированным горошком, домашний (якобы) хлеб, костлявая рыба, похожая на камбалу, еще консервированный горошек с отбивными котлетами, бисквиты, жареные сардины – истинное меню англоиндийцев. Некоторые блюда прибавлялись, некоторые выпадали в зависимости от ранга и положения на социальной лестнице, гороха могло быть больше или меньше, сардины и вино могли быть от разных фирм, но традиция оставалась неизменной: это была пища изгнанников, приготовленная слугами, для которых эта еда была чуждой и незнакомой. Адела много думала о молодых мужчинах и женщинах, которые прибывали сюда набитыми пароходами из Англии и по приезде оказывались один на один с такой же едой и теми же идеями. Они становились объектами сплетен и насмешек, впрочем, совершенно беззлобных, до тех пор пока не заслуживали доверия, не становились своими и не принимались судачить о других. «Я никогда не стану такой», – говорила она себе, но это был всего лишь голос ее молодости. Пусть так, но все равно, она твердо знала, что выступит против негласных и заскорuzлых мнений, а для этого ей были нужны надежные союзники. Она должна собрать в Чандрапуре нескольких единомышленников, а потому очень радовалась знакомству с мистером Филдингом и индийской леди с непроизносимой фамилией. Это, во всяком случае, будет ядро; а через пару-тройку дней ей станет понятна ситуация.

Мисс Дерек состояла в свите одной магарани в каком-то самостоятельном княжестве. Она была весела, общительна и развеселила всех своим рассказом о том, как уехала в отпуск. Она взяла его, потому что решила, что заслужила отдых, а не потому, что ее отпустила магарани. Теперь она, кроме того, решила воспользоваться автомобилем магараджи. Сейчас машина находилась в Дели, куда магараджа уехал на заседание совета княжеств, и мисс Дерек задумала красивую схему похищения автомобиля на промежуточной станции, когда его повезут поездом назад. Мисс Дерек потешалась и по поводу только что окончившегося вечера – собственно, весь полуостров и все, что на нем творилось, она считала чем-то вроде оперетты.

– Если не смотреть на все это с юмором, то здесь с ума сойдешь от тоски, – сказала в заключение рассказа мисс Дерек.

Миссис Макбрайд – это она была бывшей медсестрой – не переставала восклицать: «Как это здорово, Нэнси! О, Нэнси, это просто убийственно! Как бы мне хотелось научиться смотреть на жизнь так же, как ты!» Мистер Макбрайд говорил мало, и это только усиливало впечатление о нем.

Когда гости ушли, а мисс Квестед отправилась спать, между матерью и сыном состоялся еще один разговор. Сыну были нужны совет и поддержка, хотя он и не желал излишнего вмешательства матери.

– Адела много общается с тобой? – заговорил он. – Я так занят на работе, что не могу, как я надеялся, уделять ей больше внимания. Но я также надеюсь, что она не чувствует никакого неудобства.

– Мы с Аделой почти все время говорим об Индии. Но уж если ты, мой дорогой, сам об этом заговорил, то могу сказать, что ты и в самом деле мог бы проводить с Аделой больше времени.

– Да, возможно, но люди начнут сплетничать.

– Ну, знаешь, людям время от времени просто необходимо о чем-нибудь посплетничать! Позволь им посудачить в свое удовольствие.

– Люди здесь довольно своеобразны, они совсем не такие, как дома, – здесь ты всегда будто на освещенной сцене, как говорит бурра-сагиб. Вот маленький пустяковый пример: когда Адела пошла к другому краю сада, а за ней потянулся Филдинг, я заметил, что миссис Каллендар сразу обратила на это внимание. Они всегда следят за человеком, пока не удостоверятся, что он той же породы, что и они.

– Не думаю, что Адела когда-нибудь станет той же породы, она для этого слишком своеобразна.

– Я знаю, и это просто замечательное качество, – задумчиво произнес Ронни. Миссис Мур тем не менее сочла слова сына абсурдом. Привыкшая в Лондоне к уважению частной жизни, она не могла понять, почему в Индии – этой полной загадок и тайн стране – ее нет, и, следовательно, очень сильны условности. – Надеюсь, она ничего не затаила, – снова заговорил Ронни.

– Спроси, спроси об этом у нее самой, мой дорогой мальчик.

– Наверное, она слышала всякие рассказы о жаре, но, разумеется, в апреле я всегда буду вывозить ее на холмы. Я не из тех, кто поджаривает жену на равнине.

– Я думаю, что дело вовсе не в погоде.

– В Индии всегда все дело в погоде, милая мама. Погода – это альфа и омега всего, что здесь делается.

– Да, я слышала, как то же самое говорил мистер Макбрайд, но мне думается, что Аделе гораздо больше действуют на нервы англоиндийцы. Видишь ли, ей кажется, что они недостаточно хорошо относятся к коренным индийцам.

– Ты забыла, о чем я тебе уже говорил? – раздраженно воскликнул, забыв о манерах, Ронни. – Я очень хорошо это понял за прошедшую неделю. Как же любят женщины переживать из-за несущественных пустяков.

От удивления миссис Мур забыла об Аделе.

– Из-за несущественных пустяков, говоришь? Позволь узнать, что ты имеешь в виду.

– Мы находимся здесь не для того, чтобы благодушествовать и говорить индийцам приятные вещи.

– И что это значит?

– Это значит ровно то, что я сказал. Мы находимся здесь, чтобы творить правосудие и сохранять мир. Таковы мои чувства. Индия – это не светская гостиная.

– Ты говоришь как человек, возомнивший себя богом, – тихо произнесла миссис Мур; однако ее больше раздражала манера, а не чувства сына.

Стараясь взять себя в руки, Ронни сказал:

– В Индии любят богов.

– И англичане готовы занять их место.

– Во всех этих замечаниях нет никакого смысла. Мы здесь, и мы намерены остаться, и Индии придется с нами смириться – с богами или без таковых. Ну вот, смотри, – с чувством продолжил он, – что вы с Аделой хотите, чтобы я делал? Чтобы я пошел против моего класса, против людей, которых я уважаю и которыми восхищаюсь? Я должен утратить власть и влияние, каковыми я пользуюсь, для того, чтобы делать добро этой стране, только ради того, чтобы говорить приятные вещи? Никто из вас просто не понимает, что значит работать, иначе вы не говорили бы весь этот вздор. Я не люблю разговаривать в таком тоне, но иногда мне прихо-

дится. Вы с Аделой сентиментальны и этим отталкиваете. Я обратил внимание, как вы сегодня вели себя в Клубе – а ведь все это докучливое мероприятие коллектор устроил только для того, чтобы развлечь вас. Пойми, я нахожусь здесь, чтобы работать, чтобы силой удержать от развала эту несчастную, жалкую страну. Я не миссионер и не заезжий лейборист из парламента, я не чувствительный литератор, я всего лишь слуга государства. Ты сама хотела, чтобы я избрал эту профессию, и теперь я добросовестно делаю свое дело – так вышло. Мы не благодушествуем в Индии и не намерены здесь благодушествовать. Здесь у нас есть более важные дела.

Он говорил серьезно и искренне. Каждый день он тяжело трудился в суде, пытаясь решить, кто из двух жуликоватых клиентов был менее жуликоват, пытаясь бесстрашно вершить правосудие, защищая слабого от менее слабого, глупого от умного – и делать все это в атмосфере лжи и неумной лести. Сегодня утром он вынес приговор железнодорожному клерку за то, что тот брал с паломников завышенную цену за билеты, а одному пуштуну – за попытку изнасилования. Ронни не ждал за это ни благодарности, ни признательности, не говоря уже о том, что и клерк, и пуштун имели право подать апелляцию, ловко подкупить свидетелей и смягчить или отменить приговор. Однако это был долг Ронни. Но, исполняя его, он рассчитывал на сочувствие и симпатию своего народа, и, если не считать приезжих, он получал сочувствие и признание сполна. И он действительно считал, что после работы не должен думать о развлечении индийцев, а имеет полное право поиграть в теннис с равными себе или просто вытянуть ноги в шезлонге.

Да, он говорил искренне, но миссис Мур казалось, что он мог бы делать это не с такой горячностью и не с таким смаком. Как откровенно говорил Ронни о теневых сторонах своего положения! Как он уговаривал мать в том, что находится в Индии не для того, чтобы делать туземцам приятное! Какое извращенное наслаждение получал он от своих слов! Она вспомнила его школьником. Покров юношеского гуманизма слетел с него бесследно, теперь он говорил как умный, но ожесточившийся мальчик. Возможно, его слова, произнесенные иным тоном, и произвели бы на нее должное впечатление, но, слыша самодовольство, сквозившее в его голосе, видя губы, ритмично двигавшиеся под вздернутым красным носом, она совершенно непонятно почему чувствовала, что это не окончательное и не самое верное суждение об Индии. Лишь один намек на сожаление – не наигранное сожаление, но истинное, идущее от сердца, – и Британская империя стала бы совсем иной.

– Я готова с тобой поспорить, и поспорить серьезно, – произнесла она, звякнув перстнями. – Англичане находятся здесь именно для того, чтобы благодушествовать.

– Мама, как ты пришла к такому выводу? – негромко и мягко спросил Ронни, испытывая неловкость и стыд за вспышку раздражения.

– Индия – это часть мира, а Бог послал нас в мир, чтобы мы были приятны друг другу. Бог... есть... любовь. – Она умолкла, видя, как не нравится сыну этот аргумент, но затем продолжила: – Бог послал нас на землю любить соседей и выказывать это. Бог вездесущ, он находится и здесь, в Индии, и видит, как мы следуем его заповедям.

Ронни угрюмо и с некоторым беспокойством смотрел на мать. Он знал о ее религиозности, но понимал, что усилившаяся тяга к ней говорила о пошатнувшемся здоровье. Он видел такую же религиозность у отца незадолго до его смерти. «Она, несомненно, стареет, – подумал он, – и мне не следует раздражаться на ее слова».

– Стремление делать людям приятное угодно Богу... Искреннее, пусть даже и бессильное стремление это позволяет нам снискать Его благословение. Мне думается, что никто в этом не преуспел, но есть много видов неудачи. Нужна добрая воля, еще раз добрая воля, и еще раз добрая воля. Я, конечно, говорю избитые истины...

Он дождался конца ее речи и мягко, почти нежно произнес:

– Я очень хорошо это вижу и понимаю. Но мне надо заняться завтрашними делами, а тебе, наверно, пора отдохнуть.

– Да, да, я тоже так думаю, я тоже так думаю.

Они некоторое время не расходились, но дальнейший разговор потерял всякую связь с реальностью, ибо коснулся христианства. Ронни вполне одобрял религию во время исполнения национального гимна, но бывал очень недоволен, если религия делала попытки повлиять на его жизнь. В таких случаях он обычно произносил уважительным, но решительным тоном: «Не думаю, что нам стоит продолжать этот разговор, каждый человек понимает религию по-своему», – и каждый человек, слышавший это, обычно бормотал: «Нет, вы только послушайте!»

Миссис Мур чувствовала, что совершила ошибку, упомянув Бога, но чем старше она становилась, тем труднее было ей не говорить о Нем, а с тех пор как она ступила на индийскую землю, Он постоянно занимал ее помыслы, но, как ни странно, она не находила в Нем утешения. Она с большим напряжением произносила теперь Его имя, ибо не знала более высокой силы, но никогда прежде не находила она Бога таким беспомощным. Над самой высокой аркой всегда можно возвести арку еще более высокую, за самым отдаленным эхом нависает тишина. Она пожалела, что не стала говорить о действительно важных сейчас вещах – об отношениях Ронни и Аделы. Состоится ли между ними помолвка и будет ли свадьба, или они так и останутся чужими друг другу людьми?

VI

Азиз не смог присутствовать на приеме. Сразу после встречи с миссис Мур его отвлекли совершенно другие дела. Нескольким больным потребовалось хирургическое вмешательство, и Азиз с головой окунулся в свои врачебные обязанности. Он сразу перестал быть изгоем или поэтом, снова превратившись в знающего врача, веселого, жизнерадостного, переполненного деталями и подробностями операций, которыми он буквально прожужжал уши всем своим друзьям. Временами профессия увлекала его, но ему было жизненно необходимо испытывать от нее именно волнение и трепет, и наука врачевания была у него в руках, а не в голове. Он любил нож и умело им пользовался, он не был чужд и последних веяний в сыворотках и прививках. Но свирепый санитарный режим и требования гигиены были ему невыразимо скучны, и он, сделав очередную прививку больному с энтеритом, выходил из больницы и сам пил нефilterованную воду.

– Ну что вы хотите от этого парня, – говорил о нем суровый майор Каллендар, – ни воли, ни характера.

В душе, однако, он сознавал, что, если бы в прошлом году Азиз, а не он, удалил бы аппендикс миссис Грэйсфорд, то пожилая леди, пожалуй, была бы до сих пор жива. Впрочем, эта мысль не прибавляла ему симпатий к молодому врачу.

Утром, после сцены в мечети, между ними произошла стычка – это было неудивительно, они случались почти ежедневно. Майор, которому пришлось полночи провести на ногах, был страшно недоволен и горел желанием узнать, почему, черт возьми, Азиз не явился по его вызову.

– Простите, сэр, но я явился. Я тотчас сел на велосипед, но у самого госпиталя Кау у него спустила шина, и мне пришлось искать тонгу¹².

– Шина спустила у госпиталя Кау, говорите? Скажите на милость, как вы там оказались?

– Простите?

– О господи! Если я живу здесь, – майор пнул ногой по гравию, обозначив точку, – а вы живете здесь, в десяти минутах ходьбы от меня, то, как вы по пути ко мне оказались у этого проклятого госпиталя, если он находится там? – Майор снова ткнул ногой в гравий. – Так что теперь вам придется поработать.

В раздражении он повернулся и зашагал прочь, не дождавшись извинений, которые всегда звучали одинаково: госпиталь Кау находится на прямой линии между домом Хамидуллы и домом майора, поэтому, естественно, Азиз проезжал мимо него. До майора до сих пор не доходило, что образованные индийцы ходят в гости друг к другу, сплетая – пусть и болезненно – новую социальную ткань. По мнению Каллендара, они не должны ходить друг к другу из-за каст «или чего-то в этом роде». Майор твердо знал только одно – его все время пытаются обмануть, и это несмотря на то, что он прожил в Индии двадцать лет.

Азиз смотрел ему вслед с веселым изумлением. Находясь в приподнятом настроении, он смотрел на англичан как на невероятно забавную породу. Ему нравилось, что они зачастую его не понимают. Но изумление это, как и веселость, были эмоциональной и нервической природы, и любая случайность и течение времени могли безнадежно испортить настроение Азиза. Его веселость была совсем иного рода, чем радость, охватывавшая его, когда он находился в обществе людей, которым безоговорочно доверял. Ему вдруг пришло в голову обескураживающее сравнение с миссис Каллендар, с ее нелюбезным поведением. «Надо рассказать об этом Махмуду Али, – подумалось Азизу, – то-то он посмеется». После этого он принялся за работу.

---

¹² Двуколку.

Он был знающий и незаменимый специалист и прекрасно это знал. Всякие сравнения мгновенно улетучивались из его головы, когда он занимался своими профессиональными делами.

В эти приятные, наполненные трудом дни Азиз краем уха услышал, что коллектор устраивает званый вечер и что Наваб Бахадур сказал, что на вечер должны пойти все. Коллега Азиза, доктор Панна Лал, был просто в восторге от этой перспективы и настаивал на том, чтобы они с Азизом вместе приехали на вечер в новой двуколке Лала. Это устроило бы обоих. Азиз сохранял достоинство, избежав необходимости появиться в обществе на велосипеде и сэкономив на наемном экипаже, а доктор Лал, боязливый пожилой человек, получал возницу, умеющего править лошадей. Лал, конечно, и сам умел это делать, но боялся автомобилей и опасался, что не справится с поворотом у въезда в Клуб. «Все может случиться, – осторожно говорил Лал, – но, во всяком случае, мы сумеем доехать туда в целости и сохранности, даже если не вернемся». Вспомнив о логике, он добавил: «Думаю, мы произведем хорошее впечатление: два врача приедут на вечер одновременно».

Однако, когда настал день приема, Азиза вдруг охватило отвращение, и он решил не ехать. Во-первых, он и так прекрасно себя чувствовал на работе, которой стало много в последнее время. Во-вторых, этот день совпал с годовщиной смерти жены. Она умерла вскоре после того, как он полюбил ее, – вначале, сразу после свадьбы, он ее не любил. Заразившись западными обычаями, он не испытывал радости от союза с женщиной, которую не видел ни разу в жизни. Более того, после первой встречи жена сильно его разочаровала, и первого ребенка он зачал, повинаясь лишь животному инстинкту. Она покорила его своей любовью, верностью, в которой было нечто большее, нежели простая покорность, стремлением к образованию, какое должно было со временем сорвать занавеску с двери женской половины – пусть даже не при их жизни, а при жизни следующего поколения. Она была умна, развита, но при этом обладала старомодным изяществом. Постепенно Азиз избавился от ощущения, что его родственники выбрали для него неподходящую невесту. Чувственные удовольствия – даже если бы они были – через год неминуемо бы притупились; вместо них Азиз получил бесценный дар, и этот дар становился все дороже, чем дольше они жили вместе. Она стала матерью его сына... Даря ему второго, она умерла. Только тогда он понял, чего лишился, понял, что ни одна женщина никогда не сможет занять ее место; друг мог стать ему ближе, чем другая женщина. Она ушла, и не было в мире такой женщины, как она, а если так, то что это такое, если не любовь? Он развлекался и временами забывал о ней, но иногда наступали моменты, когда он чувствовал, что она унесла с собой в рай всю красоту, все радости мира. В такие минуты он всерьез задумывался о самоубийстве. Встретит ли он ее там, за могилой? Есть ли вообще место таких встреч? Азиз был ортодоксален в вере, но ответить самому себе на этот вопрос он не мог. Единство Бога было вне сомнений, и он верил в него, не сомневаясь, но во всех остальных вещах он сомневался, как сомневается любой средний христианин. Порой его вера в будущую жизнь бледнела, превращаясь в зыбкую надежду, исчезала вовсе, снова появлялась – и все это могло происходить мгновенно, за какой-нибудь десяток ударов сердца, и похоже, что не он сам, а клетки его крови решали, какого мнения ему придерживаться и сколь долго. Впрочем, такова была судьба всех его мнений. Ни одно из них не задерживалось надолго, а уходя, неизменно возвращалось обратно; это круговращение было бесконечным, оно сохраняло Азизу молодость, и он от всего сердца оплакивал жену, и искренность его скорби была еще больше от того, что он редко ее оплакивал.

Было бы проще сказать доктору Лалу, что он передумал ехать на вечер, но до самой последней минуты Азиз и сам не знал, что передумал; и даже это было не совсем так – все произошло само собой, помимо его воли. Отвращение, вдруг овладевшее Азизом, было непреодолимым. Миссис Каллендар, миссис Лесли – нет, он не мог видеть их в минуты своей скорби, и они угадали бы его настроение – Азиз отдавал должное проницательности британских леди – и получали бы садистское наслаждение, дразня его счастьем своих мужей. В то время, когда они

с Лалом должны были отправиться на вечер, Азиз стоял на почте и писал телеграмму детям. Вернувшись, он обнаружил, что доктор Лал, не дождавшись его, уехал. Пусть едет, это вполне соответствует черствости его натуры. Он, Азиз, с большей радостью будет общаться с дорогими покойниками.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда фотографию жены. Он смотрел на ее лицо, и из глаз его заструились слезы. «Как я несчастен!» – подумал он. И поскольку он и правда был несчастен, его вскоре захлестнули другие чувства, смешавшиеся с жалостью к себе. Он попытался представить себе жену, вспомнить ее живой, но не смог. Но почему он помнит людей, которых никогда не любил? Он помнил их очень живо, но вот сейчас он смотрел на фотографию, и чем сильнее он в нее вглядывался, тем меньше видел. Она ускользала от него, с того самого дня, когда ее отнесли на кладбище и опустили в могилу. Он понимал тогда, что она уйдет от его объятий и скроется с глаз, но думал, что она навсегда останется в его мыслях, не понимая, что сам факт смерти любимой делает ее еще более нереальной и что с чем большей страстью мы призываем тех, кого уже нет на свете, тем дальше они от нас уходят. Кусочек коричневатого картона и трое детей – это все, что осталось от его жены. Это было невыносимо, и он снова подумал: «Как я несчастен!», и ему сразу стало легче. На мгновение глотнув смертоносного воздуха, окружающего людей Востока, как, впрочем, и всех людей на земле, он едва не задохнулся, но быстро оправился, потому что был молод. «Никогда, никогда, – подумал он, – я не справлюсь с этим. Карьера моя неудачна, и сыновья мои не получают должного воспитания». Несчастье было настолько очевидным, что Азиз перестал о нем думать и принялся просматривать записи в историях болезни. Кто знает, может быть, какой-нибудь богатый человек захочет, чтобы Азиз его прооперировал, и тогда он получит большую, очень большую сумму. Однако ход заболеваний довольно сильно интересовал Азиза и сам по себе; он запер фотографию в стол – ее время прошло, и он перестал думать о жене.

После чая настроение его улучшилось, и он отправился к Хамидулле. Хамидулла уехал на вечер, в отличие от его пони, и Азиз позаимствовал его, бриджи для верховой езды и клюшку для поло. Сев верхом на пони, он поехал на майдан. На площади было пусто, только на ее краю несколько ребят с базара тренировались. Интересно, для чего они тренировались? Они и сами затруднились бы ответить на этот вопрос, хотя он, как казалось Азизу, просто висел в воздухе. Мальчишки бегали по кругу, худющие, с торчащими коленками – питание их не располагало к здоровью, – изображая на лицах даже не решимость как таковую, а решимость быть решительными. «Приветствую вас, магараджи!» – шутливо воскликнул Азиз, и мальчишки рассмеялись. Он посоветовал им не слишком усердствовать, они пообещали и снова побежали.

Выехав на середину площади, Азиз начал стучать по мячу. Он не умел играть в поло, но пони умел, и Азиз решил у него поучиться. Он махал клюшкой, испытывая невероятную свободу и легкость. Он забыл обо всех этих проклятых делах, носясь по рыжей пыли майдана и чувствуя, как вечерний ветер овеивает его лоб, а стоящие по краю площади деревья внушают покой своей зеленью. Мяч отлетел от клюшки в сторону одинокого субалтерна¹³, который тоже практиковался в поло. Он отбил мяч Азизу и крикнул:

– Подайте еще раз!

– Хорошо.

Офицер имел какое-то – пусть и отдаленное – представление об игре, чего нельзя было сказать о его лошади, так что шансы были равны. Сосредоточившись на мяче, оба незаметно прониклись друг к другу симпатией и одновременно улыбнулись, отпустив поводья. Азиз любил военных – они либо принимают тебя безоговорочно, либо осыпают ругательствами, а такая прямота всегда предпочтительней для штатской гордости. Этому субалтерну нравились все, кто умел ездить верхом.

¹³ В британской армии – офицерский чин ниже капитана.

- Часто играете? – спросил он.
- Никогда прежде не пробовал.
- Тогда еще один чуккер?¹⁴

Он ударил по мячу, лошадь взбрыкнула, субалтерн упал с нее, но тотчас снова вспрыгнул в седло.

- Никогда не приходилось падать?
- О, много раз.
- Не лгите.

Они снова натянули поводья, в глазах их вспыхнуло пламя внезапно возникшего товарищества, которому было суждено угаснуть вместе с напряжением тел. Спорт приносит лишь временную радость. Национальная принадлежность непременно дала бы себя знать, но они расстались, прежде чем эта ядовитая разница дала себя знать, сердечно отсалютовав друг другу. «Если бы все они были такими», – подумал каждый из них.

Солнце клонилось к закату. Единоверцы Азиза потянулись на майдан, чтобы помолиться, повернувшись лицом к Мекке. На площади показался бык, и Азиз, хотя сам он сейчас не был склонен к молитве, решил, что этому неуклюжему идолопоклонническому животному не место на майдане. Он бесцеремонно ткнул его в бок клюшкой и в тот же момент услышал, как его окликнули с дороги. Это был доктор Панна Лал, возвращавшийся с вечера, устроенного инспектором. Коллега был не в духе.

– Доктор Азиз, доктор Азиз, где же вы были? Я был у вас дома, прождал вас целых десять минут, но потом уехал один.

– О, простите меня, простите великодушно, но мне пришлось срочно отлучиться на почту.

Человек из круга Азиза тотчас бы понял, что он просто передумал – событие это было настолько обыденным, что едва ли заслуживало порицания. Но доктор Лал был человеком иного сорта и происхождения; он решил сразу, что это было преднамеренным оскорблением. К тому же Лал был раздражен тем, что Азиз ударил быка клюшкой.

- На почте? – переспросил он. – Но почему вы не послали туда своего слугу?
- У меня мало слуг, я не могу себе позволить такой роскоши при моем жалованье.
- У вас есть слуга, я же разговаривал с ним.

– Но, доктор Лал, подумайте сами. Как я мог послать на почту своего слугу, если понимал, что вы приедете ко мне? Вы приходите, мы уезжаем, дом остается без присмотра, и слуга, вернувшись, видит, что из дома исчезло все движимое имущество, вынесенное грабителями. Вы этого хотели? Мой повар глухой, я не могу на него рассчитывать, а посыльный – он всего лишь несмышленный сопливый мальчишка. Нет, нет, мы с Хассаном никогда не уходим из дома одновременно, это мое твердое правило.

Все это и многое другое Азиз говорил только из вежливости, чтобы позволить доктору Лалу сохранить лицо. Азиз не ждал, что все это будет принято за чистую монету. Однако Лал немедленно все испортил – легко и непринужденно, как и следовало ожидать от человека низкой породы.

– Даже если это и так, то что помешало вам оставить мне записку, чтобы я не ждал вас понапрасну?

Этим вопросом красноречие Лала не исчерпалось. Азиз не любил невоспитанных людей и пустил пони в галоп.

– Не делайте этого, не то моя лошадь тоже припустит галопом – дурные примеры заразительны, – воскликнул доктор Лал и тут же раскрыл подлинную причину своего раздражения. – Она сегодня и так отличилась, потоптала самые лучшие цветы в саду Клуба, и ее едва оттащили

---

¹⁴ Тайм в поло продолжительностью семь минут.

четыре человека. Английские леди и джентльмены это заметили, как и сам коллектор-сагиб. Но, доктор Азиз, я не смею отнимать у вас ваше драгоценное время. Вряд ли мой рассказ вас заинтересует, у вас слишком много дел и неотложных телеграмм. Я же просто бедный старый врач, считающий своим долгом проявить уважение, когда меня об этом просят. Должен заметить, что о вашем отсутствии говорили.

– Черт их возьми, говорить они умеют.

– Как хорошо быть молодым, как хорошо, чертовски хорошо. Кстати, кого должен взять черт?

– Знаете, я могу ездить в гости и не ездить в гости, это моя воля.

– Но вы обещали мне, а потом сочинили эту историю о телеграмме. Вперед, Пятнашка!

Лошадь Лала пошла рысью, и Азиза вдруг охватило желание нажать себе врага на всю жизнь. Это было так просто – надо было всего лишь проскакать мимо Лала и его Пятнашки галопом, что Азиз и не преминул сделать. Пятнашка рванула вперед, а Азиз повернул пони и вскачь вернулся на майдан. Удовольствие от игры с субалтерном некоторое время подогревало его, и он несся галопом, пока не вспотел. Вернув пони в конюшню Хамидуллы, он чувствовал себя равным любому человеку, кем бы тот ни был. Однако, спешившись, Азиз успокоился, и в душу его заполз страх. Не вызвал ли он недовольство сильных мира сего? Не оскорбил ли он коллектора своим отсутствием? Доктор Панна Лал был человеком незначительным, но было ли мудро ссориться с ним? По характеру своего ума Азиз тотчас переключился с человеческих суждений на суждения политические. Он не думал: «Могу ли я вообще ладить с людьми?», нет, он думал: «Сильнее ли они меня?» – и старался понять, откуда дует господствующий ветер.

Дома его ждало письмо с государственным штемпелем. Оно лежало на столе, как бомба, готовая взорваться от малейшего прикосновения и разнести в щепки его жалкое жилище. Наверное, его решили уволить за то, что он не явился на званый вечер. Однако, распечатав письмо, Азиз убедился, что речь в нем шла отнюдь не об увольнении. Это было приглашение от мистера Филдинга, ректора государственного колледжа. Мистер Филдинг просил Азиза приехать послезавтра к нему на чай. Азиз немедленно воспрянул духом. Собственно, он воспрянул бы в любом случае, ибо душа Азиза могла страдать, но не могла оцепенеть. Душа его под покровом внешней изменчивости жила своей устойчивой жизнью. Однако это приглашение обрадовало его особенно сильно, потому что Филдинг уже приглашал его на чай – это было десять месяцев назад, – но Азиз не отозвался на приглашение, не ответил письмом и вообще забыл о нем. И вот теперь он получил второе письмо, в котором не было ни упреков, ни даже упоминаний о первом приглашении. Это была истинная любезность, говорящая о великодушии, и Азиз, схватив перо, написал прочувствованный ответ, а потом побежал к Хамидулле за новостями. Сам Азиз был незнаком с ректором, но был уверен, что это новое знакомство позволит заполнить еще одну брешь в его жизни. Он хотел знать все об этом прекрасном человеке – его жалованье, предпочтения, происхождение и, самое главное, чем можно было ему угодить. Но Хамидуллы все еще не было дома, а Махмуд Али лишь отпускал глупые и грубые шутки в отношении прошедшего вечера.

VII

Мистера Филдинга Индия очаровала довольно поздно. Ему было уже за сорок, когда он вошел в странное неоготическое здание вокзала Виктория-Терминус в Бомбее и, дав непремленную взятку европейцу-контролеру, отнес багаж в купе своего первого тропического поезда. Путешествие это навсегда отложилось в его памяти. Из двух его попутчиков один был юношей, как и он, очутился на Востоке впервые, как и сам Филдинг, второй же был закаленным англоиндийцем и его ровесником. От обоих Филдинга отделяла непреодолимая пропасть: он повидал на своем веку слишком много стран и людей, чтобы быть первым или стать вторым. Новые впечатления теснились у него в голове, но это были непривычные новые впечатления – прошлое определяло их восприятие, и то же самое касалось и его ошибок. Например, смотреть на индийца так, словно он итальянец, было не самым распространенным заблуждением, как, впрочем, и не смертельным, – Филдинг часто пытался проводить аналогии между этим полуостровом и тем, другим, меньшим и более изящно оформленным, протянувшим свой сапожок в античные воды Средиземного моря.

Его преподавательская карьера странным образом отличалась большим разнообразием, и подчас он попадал в затруднительные ситуации, в чем потом горько раскаивался... Сейчас это был стойкий, добродушный, разумный и здравомыслящий человек, давно разменявший пятый десяток, но до сих пор веривший в силу образования. Ему было не важно, кого учить: на его пути встречались и мальчишки из государственных школ, и дефективные дети, и полицейские, а теперь он не возражал попробовать свои силы и на индийцах. По протекции друзей он получил место ректора маленького чандрапурского колледжа, полюбил его и считал свое назначение большим успехом. В отношениях с учениками он и в самом деле добился успехов, но пропасть между ним и его соотечественниками, наметившаяся еще в поезде, стала лишь глубже и шире. Сначала Филдинг не понимал, в чем дело. Его нельзя было упрекнуть в недостатке патриотизма, он всегда был в прекрасных отношениях с англичанами в Англии, все его лучшие друзья были англичане, так почему все пошло не так именно здесь? Внешне грубоватый, он вызывал доверие своими большими неуклюжими руками и синими глазами еще до того, как раскрывал рот. Но потом что-то в его поведении озадачивало людей и не могло развеять недоверие, порождаемое – что вполне естественно – его профессией. Это зло в Индии должно быть у всех в головах, но горе тому, через кого это зло усиливается! У англичан нарастало и крепло ощущение, что мистер Филдинг – это разрушительная сила, и это было верное мнение, ибо идеи смертельны для кастовости, а Филдинг пользовался идеями самым мощным способом – обмениваясь ими. Не будучи ни миссионером, ни ученым, он больше всего преуспел в искусстве взаимообогащающей беседы. Он верил, что мир – это земной шар, населенный людьми, изо всех сил пытающимися достучаться друг до друга, и кратчайший путь к сближению – это добрая воля, культура и разум. Такая вера плохо вписывалась в чандрапурское общество, но Филдингу было уже поздно от нее отказываться. У него не было расового чувства, и не потому, что он считал себя выше своих собратьев, а потому, что он рос и воспитывался в иной атмосфере, где не было места стадному инстинкту. Больше всего ему навредила фраза, вскользь произнесенная им однажды в Клубе – о том, что так называемая белая раса на самом деле розово-серая. Он произнес эту фразу в шутку, не понимая, что «белая» относится к цвету не больше, чем фраза «Боже, храни короля!» – к богу, и верхом неприличия было подвергнуть сомнению то, что этот эпитет означал в действительности. Розово-серый субъект, которому была адресована шутка, внутренне разъярился – его чувство уверенности в себе было сильно задето – и не преминул сообщить об этом остальным овцам стада.

Тем не менее его продолжали терпеть – за доброе сердце и физическую силу; однако жены членов Клуба решили, что Филдинг не настоящий сагиб. Он им не нравился, так как не

обращал на них ни малейшего внимания. Это сошло бы ему с рук в феминистской Англии, но сильно вредило здесь, где от мужчины ждут энергичной помощи. Мистер Филдинг никогда не рассуждал с видом знатока ни о собаках, ни о лошадях, он не давал обедов и не наносил дневных визитов, он ни разу не украсил рождественскую елку для детей, и, несмотря на посещения Клуба, он приходил туда только затем, чтобы поиграть в теннис или бильярд, а затем уйти домой. Именно так. Он открыл для себя, что мог вполне ужиться с англичанами и индийцами одновременно, но тот, кто хочет ладить еще и с англичанками, должен отказаться от общения с индийцами. Соединить это было невозможно. Бесполезно было обвинять в этом обе стороны, бесполезно было обвинять их в том, что они без устали обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Это была просто данность, и Филдинг должен был сделать свой выбор. Большинство англичан предпочитало своих соотечественниц, которые, приезжая в Индию во все возрастающем числе, делали жизнь местных джентльменов вполне сносной. Филдингу было приятно и удобно близко общаться с индийцами, но в этом мире все имеет свою цену. Как правило, ни одна англичанка не переступала порог колледжа, если ее не принуждали к этому какие-то официальные дела, и если он и пригласил миссис Мур и мисс Квестед на чай, то только потому, что они были приезжими, смотрели на все беспристрастным, хотя и поверхностным взглядом и вряд ли станут менять тон, обращаясь к другим его гостям.

Колледж был стеснен в площадях Департаментом общественных работ, но сохранил старинный сад и садовый дом, в котором Филдинг и жил большую часть года. Он одевался после ванны, когда слуга объявил о приходе доктора Азиза. Повысив голос, Филдинг крикнул:

– Прошу вас, чувствуйте себя как дома!

Эта фраза не была заранее заготовленной, как и большая часть того, что делал мистер Филдинг: он произнес то, что думал и чувствовал в данный момент.

Для Азиза эта фраза имела совершенно определенное значение.

– В самом деле, мистер Филдинг? Вы очень добры, – отозвался он. – Мне чрезвычайно нравится поведение, лишенное условностей.

Дух Азиза воспарил, он живо оглядел комнату. Не лишенная налета роскоши, она была начисто лишена порядка – здесь не было ничего, способного нагнать робость на бедных индийцев. Мало того, комната была красива, и через тройную дубовую арку оконного переплета открывался вид на сад.

– Честно сказать, я давно хотел познакомиться с вами, – продолжал Азиз. – Я очень много слышал о вашем добром сердце от Наваба Бахадура. Но как я мог познакомиться с вами в такой дыре, как Чандрапур? – Он подошел вплотную к двери спальни. – Знаете что, когда я пробыл здесь еще совсем недолго, мне хотелось, чтобы вы заболели, и тогда мы с вами точно бы встретились.

Оба рассмеялись, и воодушевленный своим успехом Азиз принялся вдохновенно импровизировать.

– Я говорил себе: «Как выглядит сегодня утром мистер Филдинг? Наверное, он очень бледен. Уполномоченный хирург тоже бледен, и он не поедет к мистеру Филдингу, потому что у того начинается лихорадка». Он послал бы к вам меня, и мы с вами очень приятно провели бы время, ибо вы признанный знаток персидской поэзии.

– Так, значит, вы знаете меня по слухам.

– Конечно, конечно, а вы меня знаете?

– Я очень хорошо знаю ваше имя.

– Я переехал сюда совсем недавно и почти все свободное время провожу на базаре, так что нет ничего удивительного, что вы ни разу меня не видели. Странно, что вы знаете меня по имени. Мистер Филдинг?

– Да?

– Угадайте, как я выгляжу, прежде чем выйдете. Давайте устроим веселую игру.

– Ростом вы пять футов девять дюймов, – ответил Филдинг, подкрепив свою догадку взглядом в стеклянную панель в нижней части двери своей спальни.

– Почти так. Что еще? Нет ли у меня почтенной седой бороды?

– Черт!

– Что-то случилось?

– Я раздавил запонку для воротника.

– Возьмите мою, возьмите мою.

– У вас есть запасная?

– Да, да, подождите минутку.

– Нет, не надо, если она на вас.

– Нет, нет, она у меня в кармане, – отступив в сторону, чтобы Филдинг не видел его силуэт, Азиз сорвал с себя воротник и извлек из рубашки заднюю запонку – одну из двух, привезенных ему шурином из Европы.

– Вот, – крикнул он.

– Войдите, если вы так склонны пренебрегать условностями.

– Еще минуту, – приладив на место воротник, Азиз мысленно взмолился всевышнему, чтобы воротник за чаем не выгнулся горбом на его затылке. Посыльный Филдинга, помогавший ему одеваться, открыл дверь.

– Премного благодарен, – сказал Филдинг, и оба улыбнулись, пожав друг другу руки. Азиз внимательно огляделся, как сделал бы это в доме любого старого друга. Филдинг несколько не был удивлен быстротой их сближения. С такими эмоциональными людьми отношения устанавливаются сразу или никогда, а они с Азизом – поскольку слышали друг о друге только хорошее – могли обойтись без предварительных церемоний.

– Знаете, я всегда думал, что в английских домах царит идеальный порядок, но теперь я понимаю, что это не совсем так, и мне нечего стыдиться. – Он непринужденно сел на кровать; потом, окончательно забывшись, он скрестил под собой ноги. – Я думал, что все очень холодно разложено по полочкам. Ах да, мистер Филдинг, запонка подошла?

– I hae ma doots¹⁵.

– Что вы сказали? Вы не научите меня новым словам, чтобы я улучшил мой английский?

Филдинг сильно сомневался, можно ли «улучшить то, что холодно разложено по полочкам». Он часто поражался живости, с какой молодое поколение относилось к любому иностранному языку. Молодые люди коверкали идиомы, но умудрялись быстро сказать то, что хотели. Однако те, кто посещал Клуб, не коверкали английский. Но Клуб был страшно консервативен. Там до сих пор считали, что очень немногие мусульмане имеют право сидеть за английским столом, а индусы и вовсе недостойны такой чести. В Клубе были уверены, что все индийские дамы сидят взаперти по своим женским половинам. Каждый англичанин по отдельности знал, что это не так, но Клуб как целое не желал меняться.

– Позвольте, я сам вставлю запонку. Понятно... Отверстие в рубашке слишком мало, а рвать ее очень жалко.

– За каким чертом вообще нужны эти съёмные воротники? – прорычал Филдинг, нагнув голову.

– Мы носим их, чтобы миновать полицию.

– То есть?

– Если я еду на велосипеде в английской одежде – в накрахмаленном воротничке и шляпе, – то ни один полицейский не обратит на меня внимания. Но если я надену феску, то меня тотчас остановят: «У вас не горит фара!» Лорд Керзон не учел этого, когда призывал коренных индийцев носить свои живописные традиционные костюмы. Ура! Запонка подошла.

---

¹⁵ Сомневаюсь (шотл.).

Знаете, иногда я закрываю глаза и вижу себя в роскошном одеянии. Я скачу верхом на битву за падишахом Аламгиром. Мистер Филдинг, разве не была Индия великолепной и могущественной, когда ею правили Великие Моголы, а на Троне павлина в Дели восседал Аламгир?

– На чай придут две леди, они хотят встретиться с вами. Думаю, вы их знаете.

– Встретиться со мной? Я не знаю никаких леди.

– Вы не знаете миссис Мур и мисс Квестед?

– О, теперь вспомнил. – Романтическая встреча в мечети ушла в тень сознания Азиза, как только он распрощался с миссис Мур. – Это очень пожилая дама; но вы не будете любезны повторить имя ее спутницы?

– Мисс Квестед.

– Как вам будет угодно. – Азиз был разочарован тем, что придут какие-то другие гости. Он бы предпочел побыть наедине со своим новым другом.

– Вы сможете поговорить о Троне павлина с мисс Квестед, она, как говорят, художественная натура.

– Она постимпрессионист?

– Да, это действительно постимпрессионизм! Давайте пить чай. Этот мир стал мне уже порядком досаждать.

Азиз почувствовал укол обиды. Это замечание говорило о том, что он, темный индеец, не имел права знать о постимпрессионизме – то была привилегия правящей расы. Он сухо произнес:

– Я не считаю миссис Мур моим другом. Мы с ней встретились совершенно случайно, в моей мечети, – сказал он, подумал и добавил: – Одной встречи недостаточно, чтобы завязать дружбу.

Однако он не успел закончить фразу, когда сухость и натянутость исчезли из его тона. Азиз почувствовал добрую волю Филдинга. Его собственное расположение к нему пробилося навстречу сквозь волны изменчивых эмоций, которые могут вынести на якорную стоянку, но могут и бросить судно на камни. Сейчас, однако, Азиз искренне чувствовал себя в полной безопасности – так может чувствовать себя лишь обитатель суши, полагающий, что только он знает, что такое безопасность, и уверенный в том, что любой корабль непременно потерпит крушение, но Азиз умел испытывать и чувства, недоступные обитателю твердой суши. Действительно, Азиз был скорее впечатлительным, нежели чутким. В каждом слове ему чудился какой-то смысл, и он не всегда верно его оценивал, и жизнь его, хотя и полная реальных впечатлений, была, в сущности, больше похожа на сон. Например, Филдинг отнюдь не хотел сказать, что все индийцы темные люди; наоборот, он считал, что темной материей является сам постимпрессионизм; его замечание было непреодолимой пропастью отделено от замечания миссис Тертон «О, так они говорят по-английски!», но для Азиза оба предложения звучали одинаково. Филдинг видел, что что-то пошло не так, но и одновременно осталось в полном порядке, и он не стал суетиться, будучи оптимистом во всем, что касалось личных отношений. Разговор снова оживился и потек легко и свободно.

– Помимо дам, я пригласил одного из моих ассистентов, профессора Годболи.

– Ого, это же деканский брахман!¹⁶

– Он тоже хочет вернуть прошлое, но не времена Алмагира.

– Думаю, что этого он не хочет ни в коем случае. Знаете, что говорят деканские брахманы? Они говорят, что англичане отняли Индию у них – вы только подумайте у них, а не у Моголов. Это просто неслыханная наглость, вы согласны со мной? Они даже дали большую взятку, чтобы так было написано в учебнике истории, потому что они коварны и неслыханно

---

¹⁶ Член касты жрецов.

богаты. Но, судя по тому, что я о нем слышал, профессор Годболи выгодно отличается от остальных деканских брахманов. Он очень искренний человек.

– Почему вы не организуете в Чандрапуре свой собственный Клуб, Азиз?

– Возможно, мы это сделаем... когда-нибудь. О, я вижу, что идут миссис Мур и – как вы сказали зовут ее спутницу?

Какое счастье, что это была неофициальная встреча, исключавшая всякие формальности! Азиз вдруг понял, что ему очень легко говорить с англичанками – он отнесся к ним как к мужчинам. Будь они красивы, он бы сильно волновался, так как общение с красивыми женщинами подчинялось своим неписаным правилам, но миссис Мур была очень стара, а мисс Квестед так некрасива, что вспыхнувшее было беспокойство тотчас улеглось. По мнению Азиза, угловатость тела мисс Квестед и веснушки, усыпавшие ее лицо, были очень большим изъяном. Он даже подивился тому, что бог мог оказаться таким жестоким в отношении женщины. Отношение Азиза к Аделе определилось окончательно и бесповоротно.

– Я хочу кое о чем вас спросить, мистер Азиз, – заговорила она. – От миссис Мур я слышала, что вы были с ней очень любезны в мечети, очень интересны и всячески хотели ей помочь. За те несколько минут она узнала об Индии больше, чем за три недели после нашего приезда.

– О, прошу вас, не стоит говорить о таких пустяках. Что еще могу я рассказать вам о моей стране?

– Я хочу, чтобы вы рассеяли то разочарование, какое мы испытали сегодня утром; должно быть, это какая-то часть индийского этикета.

– Если честно, то у нас вообще нет никакого этикета, – ответил Азиз. – Мы по самой своей натуре очень неформальные люди.

– Мне все же кажется, что мы совершили какой-то грубый промах или оскорбили людей, – заговорила миссис Мур.

– Нет, нет, это решительно невозможно. Но могу я узнать, в чем все же дело?

– Индийские леди и джентльмены должны были сегодня утром, в девять часов, прислать за нами экипаж. Но никто так и не приехал. Мы бесконечно долго ждали и никак не можем понять, что могло случиться.

– Это какое-то недоразумение, – вмешался в разговор Филдинг, сразу поняв, что в инцидентах такого сорта самое главное не углубляться в суть происшедшего.

– О нет, это вовсе не так, – стояла на своем мисс Квестед. – Они даже отложили поездку в Калькутту ради того, чтобы принять нас. Мы обе уверены, что допустили какой-то глупый, досадный промах.

– На вашем месте я не стал бы так сильно переживать по этому поводу.

– Именно это мне говорит и мистер Хислоп, – слегка раскрасневшись от возмущения, возразила она. – Если мы не будем переживать, то как поймем, что происходит?

Хозяин дома был явно склонен сменить тему разговора, но Азиз горячо подхватил ее и, поняв по обрывкам фамилии виновных в неприятном казусе, презрительно заявил, что ведь они – индусы.

– Индусы ленивы и необязательны, они не имеют даже понятия о том, что такое светские приличия. Я очень хорошо их знаю – в нашем госпитале есть врач-индус – расхлябанный и необязательный тип! Это даже неплохо, что вы не попали в их дом – там вы получили бы превратное представление об Индии. Сплошная антисанитария. Мне думается, что они застыдились своего дома и поэтому не прислали за вами экипаж.

– Интересная точка зрения, – заметил Филдинг.

– Я терпеть не могу тайн и загадок, – заявила Адела.

– Да, мы, англичане, их не любим.

– Они не нравятся мне не потому, что я англичанка, а потому, что это моя личная точка зрения, – поправила она Филдинга.

– Я люблю тайны, но мне не нравится путаница, – сказала миссис Мур.

– Любая тайна – это путаница.

– Вы действительно так думаете, мистер Филдинг?

– Тайна – это всего лишь высокопарный эвфемизм путаницы. Не будет никакой пользы от копания в этом предмете. Мы с Азизом отлично знаем, что Индия – это сплошная путаница.

– Индия – путаница? Вы меня пугаете!

– Не будет никакой путаницы, если вы приедете ко мне в гости, – вырвалось вдруг у Азиза. – Миссис Мур и все вы. Я приглашаю вас всех и очень прошу принять мое приглашение.

Пожилая леди приняла приглашение; молодой врач все еще казался ей милым мальчиком, и, более того, какое-то новое чувство – наполовину слабость, наполовину нездоровое возбуждение – не давало ей взглянуть на Азиза по-иному. Мисс Квестед приняла приглашение лишь из жажды приключений. Ей тоже нравился Азиз, и она была уверена, что если узнает его ближе, то он откроет для нее свою страну. Приглашение обрадовало Аделу, и она тотчас попросила у Азиза адрес.

Только в этот момент Азиз с ужасом и содроганием подумал о своем жилище. То была отвратительная, мерзкая лачуга недалеко от нижнего базара. В доме была всего лишь одна комната, всегда полная мелких жужжащих черных мух.

– О, давайте сейчас поговорим о чем-нибудь другом, – воскликнул Азиз. – Мне хотелось бы жить здесь. Вы только посмотрите, как хороша эта комната! Давайте вместе немного ею повосхищаемся. Смотрите, какие плавные линии в основании оконных проемов! Какое невероятное изящество! Это архитектура Вопроса и Ответа. Миссис Мур, здесь вы – в Индии, и я несколько не шучу.

Комната воспламенила Азиза. На самом деле дом представлял собой бывший зал приемов, построенный в восемнадцатом веке для какого-то высокопоставленного чиновника, и, хотя был деревянным, чем-то напоминал Филдингу флорентийскую Лоджию Ланци. К залу с обеих сторон примыкали небольшие комнатки, переделанные в европейском стиле, однако в центральном холле на стенах не было обоев, а в окнах – стекла. Сидя в холле, человек оказывался на виду у всех, словно экспонат выставки – на виду у садовника, покрикивавшего на птиц, на виду у мужчины, арендовавшего бассейн для разведения чертова ореха. Еще один человек выращивал манго. Двор был открыт, и зайти в него мог неизвестно кто, поэтому слуги Филдинга круглосуточно сидели на ступенях, своим видом отпугивая воров. Да, дом был хорош, и этот англичанин его не испортил, хотя Азиз – в припадке западничества – пожалуй, повесил бы на стены пару картин Мод Гудман. Тем не менее не было никаких сомнений в том, кому принадлежала эта комната...

– Здесь я творю справедливость. Ко мне приходит бедная вдова, и я даю ей пятьдесят рупий, другому бедняку – сто, и так далее и так далее. Мне бы хотелось так.

Миссис Мур улыбнулась, вспомнив о современной справедливости, воплощенной в лице ее сына.

– Боюсь, что рупии когда-нибудь закончатся, – сказала она.

– Мои? Никогда. Бог даст мне больше рупий, если увидит, как охотно я их раздаю. Давать надо всегда, как Наваб Бахадур. Мой отец всегда так поступал и поэтому умер бедняком.

Обведя комнату широким жестом, он мгновенно населил ее толпой клерков и чиновников – благодушных и добрых, ибо все они жили давным-давно и уже умерли.

– Мы должны сидеть здесь и давать, давать, давать. И сидеть мы должны на ковре, а не на стульях – очень большая и важная разница, и, самое главное, я уверен, что никого нельзя наказывать.

Дамы с готовностью согласились.

– Несчастному преступнику надо дать шанс. Тюрьма делает человека хуже, развращает и портит его. – Лицо Азиза осветилось неподдельной нежностью – нежностью человека, неспособного к администрации и неспособного понять, что, если несчастного преступника безнаказанно отпустить на волю, то он немедленно ограбит следующую бедную вдову. Азиз был нежен ко всем, если не считать нескольких врагов семьи, каковых он просто не считал людьми; к ним он пылал жадой мести. Нежность же его распространялась даже на англичан; в глубине души он сознавал, что на самом деле они не такие холодные и чужие и не захлестнули его страну подобно ледяному потоку.

– Мы никого не станем наказывать, – с воодушевлением продолжал Азиз, – а вечером устроим пышный банкет с эротическими танцами и красивыми девушками. Они будут расхаживать по краю бассейна с яркими факелами в руках. Все будут праздновать и радоваться до утра, а потом мы снова примемся за суд – пятьдесят рупий, сто рупий, тысячу рупий – и так до тех пор, пока не наступит всеобщий мир и благоденствие. Ах, и почему нам не выпало жить в те времена? Но почему вы не восхищаетесь домом мистера Филдинга? Посмотрите же на эти синие колонны, посмотрите на веранды, на павильоны – кажется, вы так их называете? – они тоже изнутри небесной синевы. Взгляните на резьбу, подумайте, какого труда она стоила. Крыши сделаны под бамбук. Как это красиво, а рядом по краям пруда гнется под ветром настоящий бамбук. Миссис Мур, миссис Мур!

– Я слушаю, – смеясь, откликнулась она.

– Помните воду в мечети? Она идет сюда и наполняет бассейн – это искусное сооружение прежних императоров. Они останавливались здесь по пути в Бенгалию. Они любили воду. Всюду, где они останавливались, строились фонтаны, устраивались сады и хаммамы¹⁷. Я уже говорил мистеру Филдингу, что отдал бы все на свете за возможность послужить тем императорам.

Насчет воды Азиз сильно ошибся. Какими бы искусными ни были императоры, они не смогли бы заставить воду течь в гору. Между мечетью и домом Филдинга находилась котловина порядочной глубины, в которой умещался весь Чандрапур. Ронни наверняка одернул бы Азиза. Мистер Тертон собрался бы это сделать, но скорее всего проявил бы сдержанность. У Филдинга такого желания даже не возникло. Он давно уже научился не обращать внимания на истинность слов, доверяя только истинности настроения. Что же касается мисс Квестед, то она охотно принимала на веру буквально все, что говорил Азиз. При ее неосведомленности она смотрела на него как на «Индию», не догадываясь, что кругозор его ограничен, что мнения его легкомысленны и неточны и что один человек Индией быть не может.

Азиз пришел в состояние странного возбуждения, много и громко говорил и даже позволял себе говорить слово «проклятье», когда запутывался в своих сложных предложениях. Он рассказал о своей профессии, об операциях, которые наблюдал или делал сам, что несколько напугало и покорило миссис Мур. Напротив, мисс Квестед отнесла эти рассказы на счет его широкого кругозора; она слышала подобные разговоры дома, в кругу ученых, отличавшихся свободомыслием. Она решила, что Азиз настолько же эмансипирован, насколько надежен, и вознесла его на пьедестал, на котором он просто не мог удержаться. Да, сейчас Азиз казался возвышенным, но этой возвышенности было недостаточно для высоты пьедестала, сооруженного для него Аделой. Крылья возносили его ввысь, но привычные плиты пола неудержимо тянули к себе.

Приход профессора Годболи несколько утихомирил Азиза, но не сбросил с пьедестала; все внимание было приковано к доктору. Брахман, любезный и загадочный, не стал вмешиваться в поток красноречия Азиза и даже временами аплодировал ему. Он пил чай, откинувшись спиной на столик, поставленный на некотором расстоянии от парий, не принадлежавших

¹⁷ Турецкие бани.

ни к какой касте. Еду со стола он брал как бы невзначай. Все притворялись, что не замечают этих странностей брахманского чаепития. Годболи был сухой морщинистый старик с седыми усами и серо-голубыми глазами, кожа его была такой же светлой, как у европейцев. На голове его был тюрбан, похожий на скрученные светло-фиолетовые макароны, одет Годболи был в пиджак, жилет, дхоти, высокие носки со стрелками под цвет тюрбана. Все в Годболи было гармонично и примиряло Восток с Западом как ментально, так и физически. Лицо, выражавшее несокрушимую невозмутимость, только подчеркивало это впечатление. Он сильно заинтересовал женщин, и они ждали, что он дополнит Азиза и расскажет что-нибудь о религии. Но Годболи только ел и ел, улыбаясь и избегая смотреть на свои руки, бравшие со стола еду.

Оставив в покое Великих Моголов, Азиз обратился к темам, которые не могли задеть никого из присутствующих. Он принялся рассказывать о созревании плодов манго, о том, как в детстве любил под дождем бегать в большую манговую рощу, принадлежавшую его дяде, и там обедаться вкусными плодами.

– Потом я бежал назад под хлещущим дождем и с болью в желудке. Но меня это не волновало, ведь у всех моих друзей он тоже болел. Знаете, на урду есть поговорка: «Что значит несчастье, если мы все одинаково несчастны?» Она очень подходила к тому, что мы испытывали после обжорства. Мисс Квестед, вы дождетесь манго? Вообще, почему бы вам не поселиться в Индии?

– Боюсь, что я не смогу этого сделать, – ответила Адела. Она произнесла эту фразу, не задумываясь о ее содержании и смысле. Для нее, как и для трех ее собеседников, она прозвучала в русле разговора, и только по прошествии нескольких минут (а на самом деле через полчаса) она поняла всю важность этой обмолвки, обращенной в первую очередь к Ронни.

– Такие гости, как вы, здесь большая редкость.

– Да, это так, – сказал профессор Годболи. – Такие дружелюбные гости появляются здесь действительно очень редко. Но что мы можем сделать, чтобы задержать их?

– Соблазнить их манго.

Все рассмеялись.

– Манго сейчас можно легко найти и в Англии, – вставил слово Филдинг. – Их привозят пароходами-рефрижераторами. Можно устроить в Англии Индию точно так же, как в Индии – Англию.

– В обоих случаях такое предприятие обойдется страшно дорого, – сказала девушка.

– Да, думаю, вы правы.

– К тому же все это очень скверно.

Хозяин дома не решился продолжать беседу в таком рискованном ключе и обратился к пожилой леди, которую явно что-то тревожило – вид у нее был отрешенный.

– Какие у вас планы? – спросил Филдинг, сам не понимая почему.

Миссис Мур ответила, что хотела бы осмотреть колледж. Все немедленно поднялись, за исключением профессора Годболи, продолжавшего есть банан.

– Ты пойдешь, Адела? Я знаю, что ты не любишь всякие учреждения.

– Да, это правда, – ответила Адела и снова села.

Азиз заколебался. Его аудитория раскололась. Знакомая половина ее собралась уходить, но зато остаться решила самая внимательная. Решив, что это неформальный вечер, он тоже остался.

Разговор продолжился как ни в чем не бывало. Может ли торговец всучить приезжему незрелые плоды манго?

– Говорю вам как врач: нет.

Потом старик сказал:

– Знаете, я, пожалуй, пришлю вам некоторые здоровые сладости. Не могу отказать себе в таком удовольствии.

– Мисс Квестед, у профессора Годболи изумительные сладости, – сказал Азиз, не сумев скрыть печаль. Он бы и сам с удовольствием одарил дам сладостями, но у него не было жены, которая могла бы их приготовить. – Эти сладости помогут вам ощутить настоящий вкус Индии. Я же человек бедный, мне нечего вам предложить.

– Не понимаю, почему вы так говорите, вы же сами пригласили нас к себе.

Азиз снова пришел в ужас, вспомнив свою нищую лачугу. Господи, как ловко эта глупая девчонка поймала его на слове! Что делать?

– Да-да, – закричал он, – все остается в силе. Я приглашаю вас в Марабарские пещеры!

– Это просто восхитительно.

– О, это просто великолепно в сравнении с моими жалкими сладостями. Но разве мисс Квестед не побывала уже в пещерах?

– Нет, я даже не слышала о них.

– Не слышали? – в унисон воскликнули оба. – О Марабарских пещерах в Марабарских холмах?

– В Клубе вообще не происходит ничего интересного. Там только играют в теннис и сплетничают.

Старик промолчал, посчитав, вероятно, что для мисс Квестед было неприлично так отзываться о своей расе, и, может быть, боясь, что если он согласится с ней, то она расскажет своим о его нелояльности. Молодой человек, однако, отреагировал по-иному.

– Я знаю, – сказал Азиз.

– Так расскажите мне все, что хотели, иначе я так никогда и не пойму, что такое Индия. Это те самые холмы, на которые я иногда смотрю по вечерам? И что это за пещеры?

Азиз принялся рассказывать, но по ходу его рассказа выяснилось, что сам он никогда не бывал в пещерах, а лишь «намеревался» там побывать, но ему все время мешала работа или личные дела. Профессор Годболи шутливо поддел его:

– Мой дорогой юный господин, приходилось ли вам слышать присказку о чайнике и котелке?¹⁸

– Велики ли эти пещеры? – спросила Адела.

– Нет, не очень.

– Расскажите мне о них, профессор Годболи.

– Почту за честь. – Он удобнее уселся на стуле, лицо его стало суше и серьезнее. Мисс Квестед протянула сигаретницу ему и Азизу, а потом закурила сама. Выдержав паузу, Годболи не спеша заговорил: – В скале есть вход, через этот вход люди и попадают в пещеру.

– Это такие же пещеры, как на Элефанте?

– О нет, нет. В тех пещерах есть изваяния Шивы и Парвати. В Марабаре нет никаких изваяний.

– Но это, несомненно, священные пещеры, – сказал Азиз, стремясь вставить и свое слово.

– Нет, никоим образом.

– Но они же как-то украшены.

– О нет.

– Хорошо, но тогда почему они так знамениты? Мы же постоянно твердим о знаменитых Марабарских пещерах. Может быть, это пустое бахвальство?

– Нет, я бы так не сказал.

– Ну, тогда опишите их этой леди.

– Для меня это будет большим удовольствием.

---

¹⁸ Выражение «чайник назвал котелок черным от сажи» в английском языке употребляют в тех случаях, когда кто-то обвиняет другого человека в недостатках, которые свойственны и ему самому (аналогично выражению из Евангелия о бревне в глазу).

Он действительно предвкушал удовольствие, но Азиз хорошо понимал, что кое-что Годболи удержит при себе. Он понял это, потому что и сам в подобных ситуациях страдал от такого же утаивания. Иногда, к полному отчаянию майора Каллендара, Азиз уклонялся от описания важных обстоятельств, велеречиво рассказывая о массе никому не нужных мелочей. Майор обвинял Азиза в неискренности и был в общем-то прав, хотя и не вполне. Скорее можно было сказать, что какая-то неподвластная Азизу сила капризно накладывала печать на его ум. Теперь точно так же вел себя и ум Годболи – непреднамеренно и произвольно он что-то скрывал. Если бы Азиз смог тонко подбодрить Годболи, то, вероятно, профессор смог бы снова овладеть собственным умом и сказать, например, что Марабарские пещеры знамениты своими сталактитами. Азиз попытался это сделать, но безуспешно.

Диалог между тем оставался непринужденным и дружеским, и Адела не чувствовала этих сильных подводных течений. Она не знала, что сравнительно простой ум мусульманина столкнулся здесь с Древней Тьмой. Азиз играл в захватывающую игру. Он пытался справиться с излюбленной человеческой игрушкой, но она отказывалась повиноваться. Правда, если бы даже Азиз смог, то ни он, ни профессор Годболи не получили бы от этого ни малейшего преимущества, но сама попытка очаровывала Азиза – она заменяла ему абстрактное мышление. Он продолжал вставлять свои замечания, возражал, оппонент опрокидывал его возражения, даже не замечая сути этих попыток, но в итоге так ничего и не сказал об исключительности Марабарских пещер.

В разгар этого милого разговора появился Ронни.

С раздражением, какое он даже не пытался скрыть, он крикнул из сада:

– Что происходит у Филдинга? Где моя мать?

– Добрый вечер, – холодно откликнулась Адела.

– Собирайтесь, нам надо успеть на поло.

– Я думала, игры сегодня не будет.

– Все поменялось. Приехали несколько офицеров. Едем, по дороге я все расскажу.

– Ваша матушка очень скоро вернется, – произнес профессор Годболи, почтительно поднявшись со стула. – Экскурсия по нашему бедному колледжу едва ли будет продолжительной.

Ронни не обратил ни малейшего внимания на слова профессора и по-прежнему обращался исключительно к Аделе; он специально ушел пораньше с работы ради того, чтобы забрать ее на поло, которое – по его мнению – не могло не доставить ей удовольствия. Грубость в отношении двух индийцев не была рассчитанной, но Ронни представлял себе только официальные отношения с ними, а ни один из этих людей не был его подчиненным. Как частные лица они ускользнули от его сознания.

Азиз, однако, не собирался никуда ускользать. Последний час почти задушевного разговора настолько увлек его, что он хотел продолжения. Азиз не последовал примеру Годболи и не встал со стула; с вызывающим дружелюбием он обратился к Ронни:

– Присоединяйтесь к нам, мистер Хислоп; присаживайтесь. Ваша мама сейчас придет.

Ронни отреагировал приказом одному из слуг Филдинга немедленно разыскать хозяина.

– Он может вас не понять, – сказал Азиз и повторил распоряжение на местном наречии.

Ронни был готов вспылить; ему был хорошо знаком такой типаж – собственно, он знал все их типаж, а этот был один из наихудших – испорченный вестернизацией. Но Ронни сам был слугой – слугой короля, и его обязанностью было всячески избегать «инцидентов». Он промолчал, игнорируя провокацию Азиза. Азиз же и в самом деле провоцировал. Все, что он говорил, было неприкрытой, бросающейся в глаза дерзостью. Крылья Азиза были подрезаны, но он не собирался падать без борьбы. Он не ставил целью дерзить мистеру Хислопу – в конце концов, Ронни не сделал ему ничего плохого, – но этот англичанин должен был стать человеком, для того чтобы к Азизу вернулось душевное спокойствие. Он не стал елейно льстить мисс Квестед, чтобы заручиться ее поддержкой, или с неестественной бодростью обращаться к

профессору Годболи... Квартет был поистине живописным: трепещущий от своего унижения Азиз, Адела, охваченная отвращением, дымящийся от злости Ронни и брахман, хладнокровно, сверху вниз наблюдающий за ними с таким видом, словно не происходило ничего необычного. Так подумалось Филдингу, наблюдавшему из сада эту сцену, поставленную среди синих колонн его великолепного зала.

– Не спеши, мама, мы только собираемся, – сказал Ронни, поспешил к Филдингу, отвел его в сторону и обратился к нему с несколько наигранной сердечностью: – Старина, простите меня за вторжение, но думаю, вам не следовало оставлять мисс Квестед одну.

– Прошу прощения, что-нибудь случилось? – спросил Филдинг, тоже стараясь сохранить доброжелательность.

– Ну... Я, конечно, прожженный и конченный бюрократ, но мне неприятно видеть английскую девушку, курящую в компании двух индийцев.

– Курить или не курить – это ее добрая воля, старина.

– Это нормально в Англии.

– Как хотите, но я не вижу в этом ничего плохого.

– Не видите так не видите... Но разве вы не заметили, каким развязным тоном говорит этот молодчик?

Азиз тем временем покровительственно говорил что-то миссис Мур.

– Это не развязность, – возразил Филдинг. – Парень просто очень сильно нервничает, вот и все.

– Что же могло расстроить его чувствительные нервы?

– Не знаю, он вел себя вполне прилично, когда я их покинул.

– Но я ничего не говорил, – придав тону убедительность, произнес Ронни. – Я вообще с ним не разговаривал.

– Ничего страшного, забирайте своих дам. Как мне кажется, беда миновала.

– Филдинг, я прошу вас, не принимайте это близко к сердцу, у меня не было намерения задеть вас. Вы, наверное, не поедете с нами на поло? Знаете, мы все были бы в восторге, если бы вы поехали с нами.

– Боюсь, что не смогу, но все равно спасибо за приглашение. Извините и не примите за оскорбление. Я не хотел вас обидеть.

Ронни и обе дамы начали собираться. Все были взвинчены и расстроены. Раздражение витало в воздухе. Возможно ли такое на шотландских болотах или на итальянском горном пастбище? – думал потом Филдинг. В Индии не было запаса спокойствия, не было резервного пространства – спокойствия либо не было вообще, либо оно изливалось в избытке, поглощая все остальное, и профессор Годболи воплощал собой эту почти патологическую безмятежность. Азиз был отвратителен в своей претенциозности, миссис Мур и мисс Квестед вели себя глупо, а он и Хислоп, сохраняя декор вежливости, были просто ужасны в своей взаимной неприязни.

– До свидания, мистер Филдинг, большое вам спасибо... Какой у вас замечательный колледж!

– До свидания, миссис Мур.

– До свидания, мистер Филдинг, это был замечательный вечер...

– До свидания, мисс Квестед.

– До свидания, мистер Азиз.

– До свидания миссис Мур.

– До свидания, мистер Азиз.

– До свидания, мисс Квестед, – с этими словами он с чувством потряс ее руку, чтобы показать свое облегчение. – Надеюсь, вы не забудете о пещерах? Я мгновенно все устрою, как только вы вспомните.

– Спасибо, спасибо вам...

В Азиза вселился какой-то дьявол, и он напоследок воскликнул:

– Как жалко, что вы так скоро покинете Индию! Прошу вас, измените свое решение, оставайтесь.

– До свидания, профессор Годболи, – продолжила она, внезапно придя в необъяснимое волнение. – Очень жаль, что мы не слышали, как вы поете.

– Я могу сделать это сейчас, – ответил он и запел.

Слабый поначалу голос креп, звуки лились, сменяя друг друга. Иногда возникал странный ритм, иногда в мелодии вдруг появлялось что-то западное. Ухо, то и дело становившееся в тупик, вскоре потеряло всякое понимание этого песнопения, заблудившись в лабиринте шумов – они не были неприятны, не резали слух, но были абсолютно непонятны, как песня незнакомой птицы. Это пение понимали только слуги, которые, слушая, начали перешептываться друг с другом. Человек, собиравший водяной орех, как был, голый, вылез из бассейна и застыл в восхищении, приоткрыв от восторга рот и едва не вывалив алый язык. Звуки затихали так же неожиданно и случайно, как и возникали – диатонически перескакивая с одной линейки на другую.

– Огромное спасибо, что это было? – спросил Филдинг.

– Сейчас я все объясню. Это был религиозный гимн. Я пел его от лица доярки, обращаясь к Шри Кришне: «Приди, приди ко мне один!» Но бог отказывается, и тогда я смиряюсь и прошу: «Приди ко мне не один. Стань сотней Кришн, и пусть каждый из них придет к сотне моих подруг, но один, о, господин, один из всей вселенной, пусть придет ко мне». Бог отказывается это сделать. Так повторяется несколько раз. Эта рага приурочена к вечернему времени.

– Но в других гимнах бог не отказывается прийти? – негромко спросила миссис Мур.

– Нет, он отказывается, – повторил Годболи, очевидно не поняв вопроса. – Я прошу его: «Приди, приди, приди, приди», но он не откликается на мою мольбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.